

ЦЕНТР ИНФОРМАЦИИ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

БРОНЗОВЫЙ СОЛДАТ

АПРЕЛЬСКИЙ КРИЗИС

ISBN 978-9985-9542-8-7

ТАЛЛИН, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ	63
ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ	66
ВОЙНА ПАМЯТНИКОВ: ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЗОР	68
АПРЕЛЬСКИЕ БЕСПОРЯДКИ В ТАЛЛИНЕ: ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ . . .	83
Часть I. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ	83
Часть II. ОБЗОР ЖАЛОБ НА ДЕЙСТВИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ	89
ПРИЛОЖЕНИЕ I	.102
ПРИЛОЖЕНИЕ II	.108
МАТЕРИАЛЫ СЕМИНАРА «ОТ АПРЕЛЯ К АПРЕЛЮ. В КАКОЙ ЭСТОНИИ МЫ ЖИВЕМ?».	.112

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Апрельские события вокруг «Бронзового солдата», несомненно, навсегда вошли в историю эстонского государства. Они останутся как некая «точка бифуркации», поворотный пункт, когда история делится на «до того» и «после того». Эти события имели для общества большее значение, чем даже вступление в НАТО или в Европейский Союз. До апреля 2007 г. мы жили в одной стране, а теперь начинаем привыкать жить в другой. Или это были иллюзии и, как написал политолог Евгений Голиков, «мир не изменился, он просто приоткрыл свое лицо»? («Таллинн», № 2-3, 2007 г.).

До 26 апреля 2007 г. мы все, все эстонское общество, полагали, что живем в демократической стране, где есть разделение властей, где исполнительная и законодательная власти, в общем, сбалансированы, существует независимое судопроизводство, свободная пресса, контроль общества над властями, особенно силовыми структурами, и т. д., и т. п. После 26 апреля оказалось, что не всё так, или не совсем так, а в некоторых случаях даже и совсем не так. Оказалось, что какие-то механизмы, считающиеся укорененными в демократическом обществе, не сработали, а от каких-то процедур с легкостью отказались. Вот одна из иллюстраций: по представлению префекта полиции все уличные митинги и собрания в Таллине были запрещены с 30 апреля по 11 мая 2007 г., и это не вызвало ни протестов, ни даже вопросов. А ведь тем самым были *ограничены конституционные права* на выражение своего мнения, право на мирные собрания, митинги и шествия. Разумеется, в исключительных случаях такое ограничение основных прав человека возможно, но ведь это явно не дело полицейского префекта. А высшие власти страны совершенно не озаботились таким вторжением в сферу своих прерогатив, допустив (или создав) тем самым опасный прецедент.

Настоящая публикация не преследует цели дать всеобъемлющий анализ ситуации. Мы как правозащитная организация представляем правовые, юридические аспекты ситуации, при этом далеко не все, но которыми Центр информации по правам человека занимался непосредственно. Прежде всего, это анализ поведения властей и действий полиции в возникшей кризисной ситуации. Мы также посчитали нужным привести краткий хронологический обзор событий, чтобы читатели имели более полное представление об общественно-политическом контексте произошедшего. Судебный процесс в отношении лиц, обвиняемых в организации массовых беспорядков, еще предстоит, и до его завершения мы считаем преждевременным делать какие-либо серьезные выводы. Можем лишь отметить, что позиция обвинения представляется нам довольно шаткой.

С точки зрения обеспечения прав человека весьма опасной и не соответствующей стандартам государства – члена Европейского Союза является ситуация, когда эстонские власти отказываются тщательно и беспристрастно расследовать заявления граждан о жестоком поведении полиции. Тем самым власти проигнорировали призывы международной правозащитной общественности, например, Международной хельсинкской федерации по правам человека – ИФП и Международной федерации по правам человека – ФИДП (см. приложение). Такой отказ от расследований и разбирательств не дает возможности силовым ведомствам провести «работу над ошибками»; это также усложняет и сводит на нет возможности для контроля гражданского общества над деятельностью правоохранительных органов. Наконец, это в свою очередь оборачивается нарушением одного из основных прав человека – права на доступ к правосудию.

Можно было бы полагать, что нарушения прав человека, отмеченные в настоящем отчете, являются *ошибками* отдельных официальных лиц (министров, руководителей и рядовых сотрудников полиции, наконец, судей), а нежелание проводить расследование – желанием защитить «честь мундира». Но весь ход событий, приведший к апрельскому кризису, порождает у непредвзятых наблюдателей целый ряд вопросов, на которые нет явного ответа. В первую очередь это относится к механизму и способу принятия решений в демократическом обществе.

Становление и развитие демократических институтов в Эстонской Республике было относительно мирным, но это не значит бесконфликтным. Случались и кризисы, причем по более серьезным причинам, нежели в данном случае. Но до сих пор всегда удавалось избежать массового насилия. Казалось, и не без оснований, что в отношениях между государством и обществом, между группами меньшинств и властью выработалась определенная культура диалога и компромисса, умение не доводить дело до крайностей и идти на взаимные уступки (хотя бы в самый последний момент). Для обеспечения диалога с представителями национальных меньшинств был создан даже специальный механизм – «Круглый стол» по делам национальных меньшинств при президенте ЭР, на который эстонские власти регулярно ссылаются в правительственных отчетах для международных институтов. Однако ни премьер А. Ансип, ни президент Т.Х. Ильвес не сочли нужным обсудить возникшую проблему на «Круглом столе» (кстати, при нынешнем президенте «Круглый стол» ни разу не собирался).

Организация защитников памятника «Ночной дозор» вместе с некоторыми другими общественными объединениями несколько раз в течение 2006-2007 гг. самостоятельно пыталась организовать обсуждение и представить свое видение ситуации. Никто из официальных лиц не откликнулся на их приглашения. В свою очередь, пытаюсь организовать диалог и найти хоть какой-то компромисс, власти Таллина, в частности председатель Городского собрания Т. Витсут, летом-осенью 2006 г. собирали специальный «круглый стол». Представитель правительства, министр обороны Я. Авиксоо принял участие в этом «диалоге» первый и единственный раз 26 апреля 2007 г. – за несколько часов до разгона митинга. Правительство Ансипа проигнорировало и позицию горуправы Таллина, которая возражала против переноса памятника, и предупреждения ученых – социологов, политологов и культурологов, – обратившихся к нему с открытым письмом.

Такая демонстративная последовательность не могла не броситься в глаза. Например, преподаватель Таллинского университета Т. Саартс недоуменно вопрошает: «Почему вы отказались от диалога и вели такую политику, будто ехали на танке?» (*Delfi, 1 мая 2007 г.*).

Свой ответ предлагает политолог А. Астров в реплике на майское интервью премьера Ансипа, уже после событий. «Отвечая на вопрос о возможности диалога, Ансип повторил, что диалог был изначально невозможен, поскольку русские не согласились бы на перенос памятника. Что, по сути, означает признание, что сам он даже не может помыслить и никогда не мог помыслить возможности того, что и ему пришлось бы изменить свою изначальную позицию. (...) Вот именно потому, что нынешняя власть в принципе не видит разницы между диалогом и приказом, ни о каком диалоге с ней не может быть и речи. Ибо суть этой власти, по крайней мере, в той мере, в какой ее представляет Ансип, – отрицание диалога» (*Delfi, 16 мая 2007 г.*).

Если этот вывод справедлив, то остается констатировать, что отмеченная выше культура диалога и компромисса как завоевание эстонской демократии находится под

угрозой. Способ принятия решений, продемонстрированный правительством А. Ансипа, свойственен авторитарным режимам. Некоторые наблюдатели и аналитики, например, социолог Ю. Кивиряхк и философ и политолог Е. Голиков, идут еще дальше и обвиняют правительство в осуществлении сознательной провокации с целью не предотвратить, а прямо вызвать противоправные действия и тем самым максимально дискредитировать своих оппонентов (*«Таллинн»*, №2-3, 2007 г.; *Delfi*, 30 апреля 2007 г.). Подробный анализ такого рода обвинений и вынесение собственных вердиктов не являются, разумеется, целью настоящей публикации. Мы можем лишь констатировать, что опасения за судьбы демократии в Эстонии являются, как минимум, небеспочвенными. Мы можем разделить эти опасения в той сфере, которая нам близка, а именно, в области обеспечения и защиты прав человека. Поэтому в заключение этого краткого предисловия не могу еще раз не поделиться своим беспокойством по поводу одной явно негативной тенденции, которая проявилась в последнее время.

Центр информации по правам человека, представляя интересы своих клиентов, накопил большой опыт участия в судебных процессах (несколько сотен, по большей части выигранных). Вплоть до последнего времени, основываясь на этом опыте, мы с удовлетворением констатировали, в том числе и в докладах международным организациям, что эстонские суды в целом достаточно независимы, не подвержены политической конъюнктуре и давлению со стороны исполнительной власти. Поэтому крайне неприятным сюрпризом оказалась позиция Таллинского окружного суда, который отказался удовлетворить жалобы жертв полицейского произвола на невозбуждение уголовного производства. В какой-то степени реакция полиции, не желающей открывать процессуальные действия в отношении своих сотрудников, была ожидаемой. Менее очевидна позиция прокуратуры. Но отказ суда предоставить пострадавшим даже возможность рассчитывать на беспристрастное расследование представляет собой крайне опасный прецедент отказа в доступе к правосудию. Можно лишь надеяться, что это изолированный прецедент, а не выражение тех же тенденций, о которых упоминалось выше.

Алексей Семенов

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

В предисловии к первому изданию мы отмечали, что для Эстонии апрельские события вокруг Бронзового солдата останутся как некая «точка бифуркации», поворотный пункт, когда история делится на «до того» и «после того». Теперь, после конфликта в Южной Осетии, это можно сказать если не обо всем мире, то об отношениях России, Евросоюза и США. Может показаться, что после «пятидневной войны» в Грузии мир стал настолько иным, что апрельские события относятся к прошлой жизни.

Это, конечно, не так. При всей разнице масштабов этих двух событий у них имеются и сходные черты, которые можно заметить при внимательном анализе. Это относится и к неадекватному поведению главных действующих лиц, и к реакции мирового (а точнее журналистского) сообщества, и к заявлениям официальных лиц.

И в Эстонии, и в Грузии политики давали обещания, которые не собирались выполнять. Премьер-министр А. Ансип в Таллине обещал, что никакого переноса «Бронзового солдата» не будет до 9 Мая, в то время как полиции уже был отдан приказ о начале спецоперации. И через несколько часов вокруг памятника соорудили специальный шатер, чтобы под его завесой памятник был демонтирован. Президент М. Саакашвили в Тбилиси торжественно заявлял, что он обязуется не применять силу, но через несколько часов по спящему ночному Цхинвалу стали бить установки залпового огня «Град».

В обоих случаях СМИ, описывая конфликт, зачастую путали следствие и причину, а также выгораживали тех участников политического процесса, действия которых непосредственно послужили причиной кризиса. Многие эстонские, а вслед за ними и европейские СМИ ни словом не обмолвились о жестокости, с которой сотрудники полиции и спецназ разгоняли мирный пикет защитников памятника, зато много и с обличительным пафосом писали о последовавших беспорядках и «погромах». Год спустя мировые СМИ точно так же замалчивают последствия вероломного обстрела мирного города, зато с обличительным пафосом пишут о «непропорциональности» отпора. И, разумеется, уровень объективности европейских и американских СМИ заметно снижался, если в конфликте наличествовал т. н. русский элемент.

Составители сборника не ставили перед собой цели провести параллель между апрелем 2007 года и событиями в Южной Осетии в августе 2008, но мы сочли себя вправе обратить внимание на эти «странные сближения».

Второе издание книги «Бронзовый солдат: Апрельский кризис» готовилось задолго до событий в Южной Осетии, и причины, по которым мы решили еще раз представить эти материалы, достаточно просты. Во-первых, наша публикация вызвала большой интерес, и первый тираж разошелся очень быстро. Во-вторых, наша организация в сотрудничестве с Палатой представителей национальных меньшинств провела семинар «От апреля к апрелю. В какой Эстонии мы живем?» Данное мероприятие стало одной из немногих попыток серьезного осмысления случившегося со стороны экспертного сообщества. Констатируем это не столько с гордостью, сколько с сожалением и удивлением, и надеемся, что материалы нашего семинара будут интересны читателю.

Специалисты, представившие свои доклады, осветили правовые аспекты самого переноса памятника и перезахоронения останков погибших; отметили проблемы межнационального диалога и процессов интеграции в Эстонии; оценили новую версию

официальной программы интеграции; ответили на вопросы об экономических последствиях кризиса, в том числе для русских жителей Эстонии. Выступления на семинаре, как нам представляется, послужат важным дополнением к ранее публиковавшимся нами материалам по правозащитной тематике.

Наконец, один из читателей предоставил Центру собственные фотографии – свидетельства очевидца событий 26-27 апреля 2007 г. Нам показалось важным включить некоторые из них в новую публикацию. В частности, на этих фотографиях ясно видно, как люди пришли к памятнику с цветами – а встретили их дубинками, и многие ушли с камнями за пазухой (в прямом и переносном смысле).

У нас нет иллюзий, будто книга или дискуссии на семинаре могут заменить судебное разбирательство, и поэтому с интересом ожидаем рассмотрение «апрельских дел» в международных инстанциях. Мы также понимаем, что мало кто из политиков хочет учиться на своих ошибках и нести за них ответственность. Однако всегда полезно апеллировать к разуму и опыту экспертного сообщества, которому только предстоит полноценное подведение итогов апрельского кризиса.

Алексей Семенов

ВОЙНА ПАМЯТНИКОВ: ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЗОР

В 2002 г. в курортном городе Пярну девять дней простоял монумент эстонцам, воевавшим на стороне немцев в годы Второй мировой войны. Табличка на памятнике гласила, что он установлен «всем эстонским солдатам, павшим во Вторую освободительную войну за родину и свободную Европу в 1940-1945 гг.». Он был снят в ответ на давление со стороны республиканских властей, озабоченных имиджем Эстонии за рубежом. В 2004 г. этот же монумент собрались установить в городке Лихула в Западной Эстонии. После некоторых корректировок монумент приобрел следующий вид: барельеф автоматчика в эсэсовской форме и каске, на мундире – значок ордена «Крест свободы Эстонии» и немецкая награда «Железный крест». Скорректированный текст выглядел следующим образом: «Эстонским мужчинам, которые воевали в 1940-1945 гг. против большевизма и во имя восстановления независимости Эстонии». Первоначально местное самоуправление Лихула планировало установить монумент возле гимназии, но позднее решило поставить его на местном кладбище – напротив памятника советским воинам, установленного на их братской могиле. Премьер-министр Ю. Партс, во многом по внешнеполитическим соображениям, пытался оказать давление на лихулаские власти, чтобы не допустить открытия монумента, однако успеха не имел. Центральной в этом конфликте оказалась фигура волостного старейшины Т. Мадиссона.

Т. Мадиссон приобрел особую известность еще в перестроечные времена: советский диссидент, он организовывал первые крупные уличные манифестации сторонников независимости (например, известный митинг в Хирве-парке в 1987 г.). Однако частью политической элиты постсоветской Эстонии этот человек стать не смог. В 1994 г. Т. Мадиссон создал Центральный союз националистов, который заявил о преемственности полуфашистского популистского движения довоенной Эстонии. На парламентских выборах 1995 г. Центральный союз получил только 0,9% голосов.

В 1996 г. Т. Мадиссон обнародовал меморандум «Судьба Эстонии?», где фигурировала некая Армия освобождения, целью которой было установление националистической военной диктатуры. Тогда же Т. Мадиссон провел ряд встреч с государственными руководителями высшего звена и обсуждал с ними возможность совершения государственного переворота. Некоторые чиновники сообщили об этом в Полицию безопасности, и 1 июня 1996 г. Т. Мадиссон был арестован. Позже суд признал его виновным в подготовке насильственного захвата власти. Однако в ноябре 1997 г. Т. Мадиссон подпал под принятый специально под него акт амнистии.

В октябре 1999 г. на местных выборах Т. Мадиссон прошел в волостное собрание в Лихула (Западная Эстония). События, которые последовали непосредственно за установкой памятника, были подробно описаны им в книге «Урок Лихула. Создание нового мирового порядка в Эстонии: переделка истории и подавление национализма» (Лихула, 2005 г.). Надо сказать, что Т. Мадиссон довольно рано почувствовал интерес к теме всемирного заговора и активно делился своими соображениями с широкими слоями эстонского общества. В 2004 г. вышла в свет его книга «Новый мировой порядок: Скрытая деятельность иудаистов и вольных каменщиков по покорению народов и государств» (Лихула, 2004 г.). Появившаяся в 2006 г. книга «Холокост: наиболее удручающая сионистская ложь XX века» (Лихула, 2006 г.), как и прочие подобные труды Т. Мадиссона, представляет собой, в основном, компиляцию работ более известных «специалистов» по данному вопросу.

Несмотря на запрет полиции, монумент был открыт в праздничный день 20 августа 2004 г. – в годовщину восстановления независимости Эстонии (соответствующая декларация была принята в Таллине в 1991 г. во время августовского путча в Москве). Присутствовало несколько десятков эстонских ветеранов, служивших в Ваффен-СС. Было отмечено и появление нескольких неонацистов. Мероприятие прошло без эксцессов, если не считать словесную перепалку охранников мероприятия с представителями русскоязычных СМИ. Об открытии памятника стало широко известно не только в России, но и на Западе, однако он простоял лишь две недели. Монумент был демонтирован 2 сентября 2004 г. по решению правительства. Формально такую возможность давал тот факт, что его установили на государственной земле без соответствующего разрешения. Сам процесс демонтажа поразил воображение эстонского обывателя: происходило это уже в сумерках, причем место было оцеплено полицейскими со служебными собаками. Возбужденная толпа (в основном подростки) стала забрасывать камнями автокран, в результате чего ранение получил его водитель.

Эстонская пресса отмечала, что демонтаж был спешно осуществлен накануне встречи министров иностранных дел стран – членов ЕС. Этого настоятельно требовала министр иностранных дел Эстонии К. Оюланд, которая предвидела жесткую критику со стороны коллег. Известно также о давлении на кабинет министров со стороны американского посольства в Таллине. В специальном заявлении позиция руководства страны объяснялась следующим образом: «Правительство высоко ценит храбрость людей, боровшихся во времена разных оккупаций за независимость и свободу Эстонии, и считает важным увековечить их память...» Однако делать это следует «достойно, уважая подлинные цели и мотивы этих людей, а не навязанный им другими мундир» (*сообщение правительственного пресс-бюро от 2 сентября 2004 г.*).

С резкой критикой кабинета немедленно выступили националистические партии и некоторые общественные деятели. Телефонный опрос социологической фирмы Faktum показал, что мнения эстонцев и русских (русскоязычных) по данному вопросу разделились: несправедливым назвали действия правительства 58% эстонцев (против 29%) и 25% русских (против 64%). У эстонцев больше всего несогласных с властями было среди молодых (15-29 лет) и среди лиц с начальным образованием (*BNS, 6 сентября 2004 г.*).

Еще 10 сентября 2004 г. правительство Эстонии выразило сожаление, что решение о демонтаже лихулаского памятника «привело к всплеску эмоций у людей и столкновениям местных жителей с полицией и сотрудниками Спасательного департамента» (*BNS, 10 сентября 2004 г.*). Неделию спустя правительство приняло решение о необходимости государственного урегулирования вопроса об увековечивании памяти всех, «кто пал, сражаясь за свободу Эстонии» (*BNS, 17 сентября 2004 г.*). Тем не менее социологический опрос конца сентября выявил, что вследствие лихуласких событий резко упал уровень доверия эстонцев к премьер-министру Ю. Партсу. В то же время доверие к институтам власти несколько выросло среди русских. Правительство Партса пало в апреле 2005 г.

Установка и демонтаж монумента в Лихула и последующие события создали в Эстонии благоприятную почву для роста межнациональной напряженности и еще больше углубили раскол общества по этническому признаку. Специалисты-семиотики, проводившие экспертизу памятника по заказу полиции, пришли к выводу, что он не

возвеличивает нацизм. Но «отклонение от того, что принято называть хорошим тоном, привело к крайне противоречивому толкованию содержания памятника и пространственному конфликту на месте его установки» (*BNS, 30 сентября 2004 г.*). На основании этой экспертизы следствие, начатое по подозрению в разжигании национальной розни, было полицией прекращено в связи с отсутствием состава правонарушения. Соппротивление жителей Лихула полицейским также не повлекло за собой каких-либо серьезных наказаний.

Лихулаский барельеф был установлен в октябре 2005 г. на территории частного военного музея в Лагеди, под Таллином, при открытии которого в качестве гостя присутствовал и Т. Мадиссон. Что касается эстонского правительства, то в Таллине на Маарьямяэ появился новый монумент: три больших креста, возле которых расположены таблички с названиями немецких военных частей, в том числе и с названием Эстонского легиона (20-я дивизия СС). Это – воинские части, в рядах которых, согласно официальной версии, эстонцы боролись за свободу своей страны.

Непосредственным следствием лихуласких событий стало принявшее массовый характер осквернение памятников и обелисков советским воинам по всей Эстонии (что сразу же получило название «войны памятников»). Первым пострадал монумент красноармейцам в самом городке Лихула, позже краской были вымазаны (в основном надписями типа «Слава тов. Партсу!») памятники на острове Сааремаа, в городах Пярну, Раквере, Хаапсалу, в волостях Тууди, Коонга, Сурью, Мяска и в других местах. В ответ изображением свастики была обезображена памятная плита в честь митинга 23 августа 1987 г. в поддержку эстонской независимости в Хирве-парке. Весь сентябрь 2004 г. официальные лица неоднократно делали заявления, чтобы успокоить общественное мнение, правда, используя привычные аргументы. Так, министр внутренних дел М. Лейво 6 сентября пояснил осквернителям памятников советским солдатам: «Каждый, кто надеется таким образом решить проблему, должен понять, что на самом деле он лишь льет воду на мельницу российской пропаганды» (*Delfi, 6 сентября 2004 г.*).

В сентябре 2004 г. активизировались сторонники официального демонтажа памятников советским солдатам. С призывом сноса «Бронзового солдата» на Тынисмяги в Таллине выступал, например, Союз Отечества. Стоящий в центре столицы памятник находился на муниципальной земле, а городские власти, несмотря на многочисленные обсуждения, решения о сносе или переносе памятника так и не приняли. Однако сам монумент за последнее десятилетие стал выглядеть по-другому. Вначале был погашен горевший перед «Бронзовым солдатом» «вечный огонь». Затем были удалены таблички с именами советских солдат, похороненных на холме Тынисмяги, зато на памятнике появились таблички на эстонском и русском языках, превратившие его в монумент всем павшим во Второй мировой войне. Сам памятник представлял собой фигуру солдата-эстонца в форме красноармейца, над его головой – орден Отечественной войны.

Поскольку лихулаский памятник критиковался многими «за указывающие на тоталитарный режим» немецкую форму и «Железный крест», раздалось требование демонтажа «Бронзового солдата» по той же причине. В 2004 г. акции протеста против «чужих памятников» многочисленными не были.

Хотя перепланировка участка вокруг «Бронзового солдата» была проведена таким образом, что большая мощеная площадка перед ним исчезла, тысячи людей возлагали к его

подножию цветы ежегодно 9 Мая, в День Победы. Ветераны ВОВ также собирались возле памятника 22 сентября (в этот день части Красной армии вступили в Таллин в 1944 г.). Оба ежегодных мероприятия крайне раздражали часть эстонского общества и вызывали повышенный интерес местных спецслужб.

Ряд инцидентов был зафиксирован в Эстонии и весной 2005 г.

- В ночь с 1 на 2 апреля 2005 г. целый подъезд дома в таллинском районе Ласнамяэ, где проживают в основном русскоязычные, был исписан антирусскими лозунгами и разрисован фашистской символикой. Примеры надписей: «Почему Германия не победила (1943)?», «Русские, уважайте эстонские обычаи или убирайтесь домой в Россию», «Снять Тынисмягского оккупанта и послать его на ***» и т.п. («Молодежь Эстонии», 5 апреля 2005 г.). Установить виновных следствию не удалось.
- 4 мая 2005 г. стало известно, что в связи с акцией, проведенной в Нарве Русской партией Эстонии (в память о погибших во Второй мировой войне на металлическую ограду Таллинского шоссе были прикреплены тысячи ленточек), полиция возбудила дело об административном правонарушении. По словам верховного комиссара М. Ранне, общественное мероприятие не было подобающим образом зарегистрировано (*SL-Õhtuleht*, 4 мая 2005 г.).
- 9 мая 2005 г. рано утром памятник солдатам Красной армии на Тынисмяги был облит красной краской. Через какое-то время полиция задержала эстонского мужчину, который на допросах утверждал, что двое русскоязычных заказали у него осквернение монумента и обещали заплатить за это 20 тыс. крон (около 1300 евро). Известно, что полиция и прокуратура после задержания занимались контактами подозреваемого с Россией. Позже он отказался от своих показаний и был отпущен полицией (*Delfi*, 9 и 14 мая 2005 г., *SL-Õhtuleht*, 14 мая 2005 г.).
- 7 мая 2005 г. в Нарве было осквернено военное немецкое кладбище. 9 мая в Раквере были осквернены памятники советским воинам. 11 мая в Нарве был опрокинут памятник жертвам бомбардировки города, которая была осуществлена советской авиацией в 1944 г. (*Delfi*, 9-11 мая 2005 г.).

9 мая 2006 г. таллинские власти санкционировали у монумента на Тынисмяги два мероприятия: возложение венков от ветеранских организаций и пикет противников памятника. Хотя к началу пикета официальное мероприятие ветеранов уже закончилось, у памятника, как и все предыдущие годы, находились сотни людей, пришедших возложить цветы. Пикет состоял из нескольких человек, в руках которых были государственный флаг и плакат на эстонском: «Эстонский народ, не забудь: этот солдат оккупировал нашу землю и депортировал наш народ». Простояв у кромки заполненной народом площади, пикетчики через несколько минут были вытеснены на проезжую часть, откуда были эвакуированы в полицейском автобусе.

Ранее эстоноязычная пресса не уделяла особого внимания празднованию 9 Мая в Эстонии. Однако в этом году события у «Бронзового солдата» были освещены ею достаточно подробно, причем в негативном ключе. 20 мая 2006 г. несколько сот человек провели «патриотическую акцию» возле «Бронзового солдата». Кроме организаторов пикета 9 мая и соратников Т. Мадиссона, к монументу пришло немало эстонцев разных возрастов с государственными флагами. Было также довольно много бритоголовых молодых людей, причем одежда некоторых из них была украшена немецкими военными символами. К монументу пришла и небольшая группа говоривших по-русски людей, радикально настроенных против «врагов памятника». По оценке властей, мероприятие в целом прошло без эксцессов, за исключением

попыток накинуть на шею «Бронзовому солдату» петлю. Один из участников мероприятия забрался на статую, размахивая государственным флагом. Вечером того же дня памятник был измазан красками цветов эстонского флага. В Пыхьяской префектуре полиции было возбуждено административное дело против Т. Мадиссона за то, что мероприятие 20 мая 2006 г. не было зарегистрировано в Таллинской горуправе в соответствии с законом.

На следующей неделе возле «Бронзового солдата» по ночам стал появляться т.н. «Ночной дозор» – добровольцы из числа русской молодежи приходили в вечернее время охранять памятник от вандалов. Стихийно возникшее движение позже получило организационное оформление.

Далее противники монумента заявили о своем намерении провести 27 мая 2006 г. пикник возле «Бронзового солдата». Среди молодежи из русской общины стали распространяться призывы тоже прийти к монументу и, заполнив пространство перед памятником, сделать невозможным проведение подобного мероприятия у братской могилы. Таллинская полиция сработала весьма оперативно и предотвратила столкновение десятков людей, пришедших к «Бронзовому солдату»: эстонская и русская часть толпы были разделены, после чего русские были отеснены в сторону одной из центральных столичных площадей. С обеих сторон было много молодежи. Если русские пришли к памятнику с флажками Евросоюза, то эстонцы – с государственными флагами.

По свидетельству очевидцев, колонна русскоязычных уходила под крики «Русские фашисты – вон!». Поскольку им не позволили возложить цветы к «Бронзовому солдату», русские усыпали ими подножие «Часов свободы» – памятника дню провозглашения эстонской независимости. После этих событий власти установили ограждение у площади возле памятника и выставили полицейский патруль.

Мнения эстонских политиков по поводу судьбы памятника разделились. Если лидер Центристской партии Э. Сависаар выступал против его переноса (его партия удерживает власть в столичном муниципалитете), то ряд других политиков поддерживали радикальные меры. Примечательно, что за короткий срок свое мнение изменил премьер-министр страны А. Ансип (Реформистская партия). 9 мая 2006 г. он высказался против того, чтобы перемещать монумент, так как он стоит на чьей-то могиле. Однако 25 мая он заявил журналистам, что памятник нужно было бы перенести. По мнению премьер-министра, «Бронзовый солдат» на Тынисмяги стал символом, противостоящим Эстонской Республике, символом оккупации, а не памятником жертвам войны. Это заявление А. Ансипа спровоцировало националистически настроенную молодежь и скинхедов на публичные акции «в поддержку решения премьер-министра» (например, 2 июня 2006 г.).

8 июля 2006 г. А. Ансип заявил участникам слета борцов за свободу, адресуя эти слова, в основном, тем, кто служил в годы войны в немецкой армии, и т.н. «лесным братьям»: «Ваша борьба явилась подвигом, который нужно высоко ценить как сейчас, так и в будущем. Пусть государственная независимость Эстонии не была тогда восстановлена, тем не менее ваша борьба сыграла важную роль в том, что народ Эстонии смог сохранить свое стремление к свободе в течение всей советской оккупации. Ведь вы всегда между собой говорили – да, мы проиграли сражение, но в итоге мы все же выиграли эту войну!» (*сообщение правительственного пресс-бюро от 10 июля 2006 г.*)

Судьба «Бронзового солдата» активно обсуждалась в эстно- и русскоязычной прессе. По выводам авторов специального мониторинга, осуществленного по заказу Фонда ин-

теграции неэстонцев за май-июль 2006 г., «среди утверждений [в СМИ] преобладали высказывания о том, что отношение эстонцев и русских к переносу монумента противоположное и что «Бронзовый солдат» как памятник оккупации не должен находиться в центре города. Также в русскоязычных средствах массовой информации очень хорошо было представлено мнение о том, [что] желание эстонцев перенести монумент является по своей сути националистическим (если не сказать – фашистским). Отсюда вытекает и заключение о том, что и в эстонском, и в русском медиа-пространстве очень большую роль в аргументации за или против переноса монумента играет национальное сознание».

21-22 октября 2006 г. в Таллине наблюдались как санкционированное собрание националистов, так и административно наказуемое «нелегальное» собрание социально активной русской молодежи напротив ограждения с цветами и свечами. 9 октября 2006 г. доступ к памятнику был открыт. Предполагается, что это было сделано накануне визита английской королевы.

Осенью 2006 г. два законопроекта, инициированные реформистами и их союзниками, должны были решить проблему сноса/переноса монумента в условиях, когда перед парламентскими выборами контролирующая столичное самоуправление Центристская партия не желала предпринимать резких шагов, которые не найдут понимания у русского избирателя, в последнее время охотно отдающего ей свои голоса.

Первый законопроект – №1000 – предполагал принятие особого Закона о сносе запрещенных сооружений. В случае вступления в силу он бы возбранял экспонирование или установку в общественном месте памятника, произведения монументального искусства или иного строения или предмета, которые прославляли бы оккупировавшие Эстонскую Республику государства или их вооруженные силы, разжигали бы вражду, призывали бы к совершению преступления или иным образом могли бы привести к нарушению общественного порядка. Для сноса такого сооружения, памятника и т.п. министру юстиции предоставлялись бы особые полномочия, подкрепленные возможностью наложения штрафов. Второй законопроект – №1001 – предполагал принятие особого Закона об охране воинских захоронений, причем со ссылкой на протокол к Женевской конвенции 1949 г.

Закон о запрещенных сооружениях был принят 15 февраля 2007 г. В окончательной версии он имел прямые отсылки к «Бронзовому солдату» и предусматривал снос памятника в течение 30 дней со дня вступления закона в силу. Президент Эстонии решил его не оглашать.

Принятый месяцем раньше – 10 января 2007 г. – Закон об охране воинских захоронений был поддержан представителями всех фракций парламента. «Против» голосовали только несколько русских и эстонских депутатов Центристской партии. Русские депутаты от Реформистской партии были в зале, но не голосовали. Закон делает отсылку к статье 34 Первого дополнительного протокола к Женевской конвенции 1949 г., однако дает заведомо расширительное толкование соответствующих положений. Перезахоронение останков, по эстонскому закону, дает возможность переносить и «надгробные сооружения» (статья 10).

15 февраля 2007 г. парламент голосовал также по вопросу о внесении поправок в Закон о праздничных датах и памятных днях. «Против» выступили лишь восемь русских и эстонских депутатов из числа центристов. «За» было подано 63 голоса, в том числе русским депутатом от «Республики». Русские депутаты-реформисты свою позицию вновь не обозначили. Законопроект касался 22 сентября как памятной даты. Как уже отмечалось, в

ходе Второй мировой войны Красная армия вступила в эстонскую столицу 22 сентября 1944 г., и представители русской общины отмечают в этот день годовщину «освобождения города от немецко-фашистской оккупации». Согласно официальной эстонской трактовке истории, этот день можно также считать началом «второй советской оккупации».

Вообще в эстонском парламенте было несколько инициатив по этому вопросу. 15 ноября 2005 г. парламент исключил из производства подготовленный Союзом Отечества законопроект, который не только планировал объявить 22 сентября днем траура, но и запретить в этот день любые несовместимые с ним мероприятия. Объявление 22 сентября еще одним отмечаемым в официальном календаре днем траура могло спровоцировать дополнительные трения между общинами в столице и, видимо, поэтому было отклонено. Тем не менее, 24 ноября 2005 г. Союз Отечества вновь подал законопроект аналогичного содержания. Проект не прошел первого чтения 7 февраля 2006 г., но в этот же день правящие партии – Центристская, Реформистская и Народный союз – инициировали свой законопроект. Они предлагали объявить 22 сентября «днем памяти связанных с оккупацией страданий», но устанавливать запрет на публичные мероприятия в этот день не планировали.

Однако законопроект о 22 сентября, предложенный партиями правительственной коалиции, так и не был принят. В итоге фракции Союза Отечества и Республики (ныне эти две политические силы объединились) представили новый законопроект, который просто объявлял 22 сентября «днем памяти сопротивления». В таком виде он и был принят эстонским парламентом.

Тема различных интерпретаций итогов Второй мировой войны была затронута и в последних ежегодниках полиции безопасности (КаПо), эстонской спецслужбы. В ежегоднике за 2005 год особый раздел главы «Защита конституционного строя» посвящен деятельности Антифашистского комитета, созданного местными русскими политиками. По словам КаПо, в 2005 г. комитет продолжил «антиэстонскую деятельность» в виде организации «оправдывающих советский оккупационный режим» исторических лекций в маардуских школах. В качестве примера приведена лекция «Весна 1945», состоявшаяся 18 марта 2005 г. Эти и подобные акции комитета КаПо увязывает с влиянием, оказываемым из России. В ежегоднике за 2006 г. «антиэстонскими и антибалтийскими пропагандистскими изданиями» названы опубликованные в России сборники архивных документов, которые свидетельствуют о преступлениях в годы немецкой оккупации, совершенных в Эстонии и других странах Балтии нацистами и местными коллаборационистами.

4 марта 2007 г. в Эстонии состоялись парламентские выборы. Большой успех сопутствовал Партии реформ, которая получила в парламенте 31 мандат из 101, набрав почти 28% голосов. За ней следовала Центристская партия – 29 мандатов (26% голосов). Прочие партии имели гораздо более скромные результаты. По сравнению с выборами 2003 г. самое значительное увеличение парламентского представительства было у Реформистской партии (12 дополнительных мест). Социал-демократы получили дополнительно 4 места, а Центристская партия – одно.

Кроме прочего, в ходе минувшей предвыборной кампании активно использовался вопрос о «Бронзовом солдате». Руководство Реформистской партии заняло непримиримую позицию противников монумента и солидаризировалось с крайними националистами, видимо, пытаясь привлечь к себе тех эстонцев, которые голосовали на прошлых выбо-

рах за Союз Отечества и его клон – Республику. В любом случае, в марте 2007 г. эти ныне объединившиеся националистические партии потеряли 16 мандатов, большая часть которых заведомо перешла реформистам.

Что касается русских граждан Эстонии, то в ходе этих выборов активнее всего с ними вновь работала Центристская партия. Для этого, например, было щедро куплено время на Первом балтийском канале (местный «филиал» ОРТ), в т. ч. и в формате информационных программ. В русскоязычной рекламе центристы позиционировали себя в качестве противников сноса монумента. Принципиальность русских депутатов-центристов противопоставлялась нерешительности двух русских реформистов, которые либо не голосовали, либо не появились в парламенте при обсуждении законов, разрешающих снос/перенос монумента. Голосовать за Центристскую партию и ее лидера Э. Сависаара призывали известные российские деятели, например, К. Косачев и С. Степашин.

В декабре 2006 г. русскоязычная газета «Право и правда» опубликовала статью «Ансип, Веллисте и новые нацисты», поместив в качестве иллюстрации коллаж из профилей солдата в эсэсовской форме, А. Ансипа и М. Лаара (которые являлись активными противниками «Бронзового солдата»). Газета долгие годы была партийным органом Центристской партии. Однако в ходе разразившегося скандала центристы заявили, что какое-то время уже не имеют непосредственного отношения к этому изданию, и что символикой партии злоупотребили. Газета и ее интернет-сайт были закрыты. Примечательно, что как обычная полиция, так и Полиция безопасности не усмотрели в указанной статье признаков состава правонарушения (разжигания розни). Примерно в это же время центристами была приобретена ежедневная русскоязычная газета с заметным тиражом.

На таком фоне центристы смогли перетянуть на себя большую часть того «русского» электората, который раньше голосовал за «русские» партии. Успех последних был более чем скромным. Конституционная партия (бывшая Объединенная народная партия Эстонии) получила всего 1% голосов (в 2003 г. – 2%). Любопытно, что по сравнению с 2003 г. поддержка центристов выросла на 0,7%. Около тысячи голосов оттянул на себя маргинальный список Русской партии Эстонии. В отличие от центристов, «русские» партии не получили ни мощной финансовой, ни символической поддержки внутри страны или из-за ее пределов.

По данным социологической службы TNS Emor, в начале апреля 2007 г. поддержка нового правительства, сформированного опять-таки А. Ансипом, среди эстонцев составляла 77% (среди неэстонцев – только 21%). При этом лишь 5% эстонцев и 13% неэстонцев считали, что вопрос о памятнике на Тынисмяги относится к одной из двух первоочередных проблем правительства (<http://www.emor.ee>).

В начале мая 2007 г. на Тынисмяги общественность ожидала провокаций преимущественно со стороны крайне правых эстонцев. Один из них, Ю. Лийм, планировал провести 9 мая 2007 г. возле памятника официально зарегистрированное мероприятие – многочасовой урок истории. Ранее Ю. Лийм публично угрожал взорвать памятник, за что привлёкся к суду (Верховный суд, правда, оправдал его 21 мая 2007 г. – дело RK 3-1-1-7-07). Всего же, по данным СМИ, на 8 и 9 мая 2007 г. было зарегистрировано семь общественных собраний и демонстраций, в основном недалеко от «Бронзового солдата» (*Delfi, 16 апреля 2007 г.*).

Но в ночь на 26 апреля 2007 г. была проведена полицейская операция, в ходе которой с площади на Тынисмяги были вытеснены дежурившие там защитники монумента. Над памятником и местом захоронений был поставлен шатер. Юридически это было оформлено как работы по эксгумации покоившихся на Тынисмяги останков советских воинов, которые осуществлялись на основании недавно принятого Закона об охране воинских захоронений.

К вечеру 26 апреля 2007 г. на Тынисмяги собралась достаточно большая группа людей, в основном русскоязычных, которые выражали свое недовольство действиями властей. Толпа скандировала: «Позор!» и «Фашисты!» Полиция приказывала людям разойтись, что не возымело эффекта. Наблюдатели отмечают, что некоторые протестующие бросали в сторону полицейских пустые бутылки. В какой-то момент правоохранительные органы начали разгон митинга с применением спецсредств, действуя весьма жестко. В ответ некоторые участники митинга бросали в полицейских камни. Митингующие были оттеснены с Тынисмяги на близлежащие улицы, где вскоре начали совершаться акты вандализма, а позднее (при малопонятной пассивности правоохранительных органов) – грабежи киосков и магазинов.

Уже в первую ночь беспорядков полиция проводила массовые задержания людей на улицах, в том числе тех, кто протестовал возле памятника на Тынисмяги. Задерживались и правонарушители, которые были причастны к актам вандализма. Эти две группы не тождественны: по некоторым данным, среди задержанных в первую ночь до трети были эстонцами, которых почти не было возле памятника (*Delfi, 27 апреля 2007 г.*). Также, по официальным данным, среди уже отданных под суд за грабежи/воровство есть эстонцы.

Небольшие группы русской молодежи, находившиеся во время беспорядков на улице, ходили под российскими флагами, скандируя «Россия!» Были отмечены и небольшие потасовки между русской и эстонской молодежью. Некоторые молодые эстонские националисты вышли на улицу, в том числе с эстонскими флагами, но их было совсем немного. Основные столкновения имели место именно с полицией.

Ранним утром 27 апреля 2007 г. по решению республиканских властей памятник на Тынисмяги был демонтирован (через несколько дней его установили на городском военном кладбище). Вечером 27 апреля поблизости от Тынисмяги вновь собрались протестующие. Полиция сменила тактику и сразу прибегла к массовым задержаниям возле площади Тынисмяги и в достаточно большом радиусе от нее. В Таллине вновь вспыхнули беспорядки, которые наблюдались также в населенных преимущественно русскоязычными городах Северо-Востока Эстонии. В столице полиция блокировала в центре целые кварталы, проводились массовые задержания находящихся там лиц, в особенности говорящих по-русски. 28 апреля задержания продолжались.

Никаких официальных запретов посещать центр Таллина, где продолжали работать развлекательные заведения, не было. Однако в СМИ 27 апреля 2007 г. были озвучены рекомендации «оставаться дома» (их же рассылали на электронные адреса и мобильные телефоны).

Задержания проводились крайне жестко: в ход шли дубинки, резиновые пули и пластиковые стяжки в качестве наручников, людей клали на землю. Задержанных отвозили в «фильтрационные пункты». По информации лиц, обратившихся к эстонским правозащитникам, условия содержания там были плохими: людей заставляли часами сидеть на бетонном полу в неудобной позе со связанными сзади руками, охранники избивали задержанных, в том числе безо всякого повода.

Как и следовало ожидать, большинство задержанных не были причастны к совершению каких-либо правонарушений: по данным Пыхьяской окружной прокуратуры таких «случайных прохожих» было около 700 чел. (*Delfi*, 26 июня 2007 г.). К утру их отпускали без предъявления каких-либо обвинений, но и без извинений. Всего же, по данным Пыхьяской префектуры полиции (Таллин и прилегающий Харьюский уезд), в списках «фильтрационных пунктов» фигурирует более 1160 имен. Среди задержанных было 494 гражданина Эстонии, 85 граждан Российской Федерации и 308 апатридов со статусом долговременного жителя. Согласно тому же источнику, в дни беспорядков погиб один человек (гражданин России Д. Ганин), пострадали 156 чел. (из которых 29 – сотрудники полиции). Также в ходе апрельских событий полиция зафиксировала в столице 148 объектов, которые пострадали от действий вандалов; две трети – в первую ночь беспорядков (*«Молодежь Эстонии»*, 16 мая 2007 г.).

По данным эстонской прокуратуры, к 18 мая 2007 г. в связи с апрельскими событиями было начато 65 уголовных расследований. Из них госпрокуратура вела 3 уголовных дела, связанных с кибератаками, организацией массовых беспорядков, насильственными действиями, направленными против суверенитета и независимости ЭР, и убийством. Остальные расследования, которые вели Пыхьяская и Вируская окружные прокуратуры, касались в основном тяжких групповых нарушений общественного порядка, оскорбления представителей власти, организации массовых беспорядков, оскорбления памяти погибших, административных правонарушений во время массовых беспорядков. Подозреваемыми в ходе расследований признаны свыше 300 человек. Были арестованы 50 подозреваемых, из них 4 гражданина РФ и 1 гражданин Литвы (*«Молодежь Эстонии»*, 25 мая 2007 г.).

Особым вопросом является реакция следственных органов на десятки жалоб, которые касаются действий полиции. Правительство явно готовилось к массовому выражению недовольства, когда приступало к операции по переносу монумента: накануне в столицу были привезены тысячи полицейских из провинции. Но, видимо, были недооценены масштабы возможных беспорядков и не вполне отработаны действия правоохранительных органов в экстремальных условиях. Тем не менее и премьер-министр, и министр внутренних дел по горячим следам поспешили высказать полное одобрение действий полиции. В интервью местному изданию глава МВД Ю. Пихл сказал: «Я знаю, что враги Эстонии не думали, что у нас есть так много полицейских и что они такие профессиональные. Они не учли, что у нас есть сила, которая решит вопрос. И поэтому они ищут сейчас возможности обвинить полицию в применении излишней силы. Такого не было...» (*«Вести»*, 21 мая 2007 г.).

Международная хельсинкская федерация по правам человека (ИHF) призвала эстонские власти «тщательно и беспристрастно расследовать заявления о жестокости полиции в ходе недавних беспорядков в стране и гарантировать, чтобы впредь проблема беспорядков решалась бы в строгом соответствии с международными стандартами» (заявление от 30 апреля 2007 г.). Однако к началу июня было возбуждено не более десятка уголовных дел по жалобам на действия полиции. Большинство пострадавших получили почти идентичные отказы, в которых префектура полиции, прокуратура, а затем и Окружной суд оправдывают действия правоохранителей ссылкой на чрезвычайные обстоятельства в период массовых беспорядков. Обращает на себя внимание и некая избирательность со стороны органов следствия. Скажем, было возбуждено уголовное дело по заявлению попавшего в «фильтрационный пункт» и избитого там охранниками пожилого гражданина ФРГ. Но по аналогичным жалобам местных жителей последовали отказы (хотя они, в отличие от заявления гражданина ФРГ, подкреплялись медицинскими справками).

Уже после первой ночи беспорядков, утром 27 апреля 2007 г., по подозрению в организации массовых беспорядков были арестованы Д. Линтер и М. Рева. Они были активистами «Ночного дозора». Тогда же по дороге в школу был арестован и местный представитель российской организации «Наши» 18-летний М. Сирьк, который в «бронзовую ночь» оставался дома. М. Сирьк был выпущен под подписку о невыезде в середине июня, а Д. Линтер и М. Рева – только в ноябре 2007 г. На остальных членов «Ночного дозора» оказывалось давление (например, организация не смогла в Таллине снять помещение для проведения собрания). «Русскоязычная» молодежная организация «Siin» («Здесь»), рядовым членом которой являлся М. Сирьк, была почти сразу лишена государственного финансирования за предполагаемую связь с российским движением «Наши».

Намеченный на 22 апреля 2007 г. митинг «Ночного дозора» под лозунгом «За толерантность и диалог!» был запрещен. Полиция посчитала, что это мероприятие может представлять опасность для общественного спокойствия (*Delfi, 21 апреля 2007 г.*). Уже после «бронзовой ночи», с 30 апреля до 11 мая 2007 г. все без исключения уличные мероприятия в Таллине были запрещены (по представлению префекта полиции). Это делало затруднительным какое-либо открытое выражение недовольства действиями властей. Некоторая часть русскоязычного населения участвовала в последних числах апреля – первых числах мая в акциях гражданского неповиновения, которые заключались в медленной езде по улице с подачей звукового сигнала с 12.00 до 12.20. Полиция штрафовала нарушителей ПДД на сумму до 3000 крон (190 евро), а также публично выражала благодарность тем, кто сообщал о подобных правонарушениях.

8 мая 2007 г. премьер-министр А. Ансип неожиданного явился на военное кладбище возлагать венки. Таким образом, эстонские власти впервые положили цветы к подножию «Бронзового солдата». В мероприятии принимал участие и дипкорпус. Однако посол России приглашение проигнорировал: он возложил венок к монументу 9 мая. Тысячи русскоязычных жителей столицы также принесли к «Бронзовому солдату» цветы в этот день. Многие оставляли их и у ограды на Тынисмяги – в то время на прежнем месте памятника уже проводились работы по озеленению.

Официальный Таллин отрицает наличие у русскоязычного меньшинства Эстонии каких-либо серьезных проблем, которые могли подготовить почву для стихийного выражения недовольства, непосредственным поводом к которому послужила полицейская операция на Тынисмяги. Заметно стремление властей увязать апрельские события с российским влиянием (если не с заказом из Москвы). Еще накануне беспорядков крупная эстонская газета сообщила о «подозрительных встречах» «экстремистских» руководителей «Ночного дозора» и местных русских политиков с российскими дипломатами в кафе и в городском парке (*Postimees, 25 апреля 2007 г.*) На это обстоятельство специально обратил внимание иностранных журналистов и министр иностранных дел Эстонии У. Паэт. Тем не менее российские дипломаты, портретные снимки которых были напечатаны в газете, не были объявлены персонами нон грата.

Хакерские атаки на сайты эстонских госучреждений в начале мая 2007 г. были квалифицированы официальным Таллином как действия российских властей. Эта тема активно муссируется на международном уровне, хотя некоторые эстонские и западные специалисты уже успели высказать сомнения в подобной оценке событий. Более того, в конце мая министр юстиции Р. Ланг заявил в интервью провинциальной газете, что на 9 мая были

запланированы гораздо большие беспорядки, целью которых было свержение правительства. «... Я думаю, что наличие такого плана ясно для любого мыслящего человека. Если делегация Российской Думы уже в аэропорту заявляет, что требует отставки эстонского правительства, продолжает подобную риторику по прибытии в Эстонию – то, мне кажется, здесь не о чем больше думать». Министр юстиции не смог назвать человека, который, по мнению организаторов беспорядков, мог бы занять кресло премьер-министра. «Если у меня была бы бумага за подписью Путина, я бы давно передал ее вам и попросил напечатать» (*Sakala, 26 мая 2007 г.*). Месяц спустя командующий эстонскими Силами обороны А. Лаанеотс публично заявляет, что апрельские беспорядки в Эстонии были «масштабной, одобренной на высоком политическом уровне, тщательно продуманной и подготовленной спецоперацией Российской Федерации против Эстонии» (*Delfi, 20 июня 2007 г.*).

В ходе апрельских событий в сложном положении оказалась Центристская партия, которая контролирует муниципалитеты не только в столице, но и в «русскоязычных» городах Северо-Востока. Таллинские власти, как уже отмечалось, пытались затормозить процесс переноса «Бронзового солдата» – эта тема интересовала русскоязычного избирателя, который голосует, в основном, за центристов. Именно для преодоления несогласия местных властей и был принят Закон об охране воинских захоронений, который позволял проигнорировать мнение столичного муниципалитета по вопросу о переносе памятника. Обращения таллинских властей в суд были безуспешны. В «бронзовую ночь» лидер партии и мэр города Э. Сависаар не стал выступать с какими-либо призывами к «своим избирателям», как того требовали правые партии. В условиях националистической истерии после апрельских событий такая позиция вызвала негодование у эстонской части населения. Согласно телефонному опросу TNS Emor, проводившемуся в начале мая 2007 г., действия премьер-министра страны А. Ансипа с момента демонтажа «Бронзового солдата» одобряли 82% эстонцев, тогда как 84% неэстонцев оценивали действия А. Ансипа негативно. По тем же данным, личный рейтинг Э. Сависаара среди неэстонцев составлял 56%, а «антирейтинг» среди эстонцев – 81% (<http://www.emor.ee>).

В мае-июне 2007 г. в эстонских СМИ появились многочисленные публикации журналистов и экспертов с различными интерпретациями апрельских событий. «Бронзовая ночь» предопределила конец эры своеобразной эстонской политкорректности. С одной стороны, авторы материалов перестали чураться «языка ненависти», что ранее для Эстонии было большой редкостью. С другой стороны, экспертами и журналистами стали использоваться прежде табуированные термины (например, «дискриминация» или «ассимиляция»). Публичной критике подверглись специалисты по этнополитике, негативно оценившие действия правительства, хотя и им была предоставлена возможность высказаться в СМИ.

В июне 2007 г. фирмой Saar Poll был проведен социологический опрос населения, посвященный событиям конца апреля 2007 г. Анкета была составлена тартускими учеными М. Лауристин, Т. Вихалемм, К. Каллас и В. Якобсон; данные исследования подготовлены к печати А. Сааром. Опрос проводился по репрезентативной выборке (996 эстонцев и 491 неэстонец). Ниже мы приведем некоторые данные опроса, опубликованные на сайте заказчика исследования – бюро министра по делам народонаселения (<http://www.rahvastikuminister.ee>).

Начать, видимо, следует с проблемы переноса «Бронзового солдата». Если 51% опрошенных эстонцев сочли такое решение властей «совершенно верным» и 28% – «скорее верным», то среди неэстонцев так ответили лишь 4 и 7% соответственно. Среди представителей меньшинств 40% респондентов, отвечая на вопрос о верности такого решения, выбрали вариант «скорее нет, нужно было искать другое решение этой проблемы» и 36% – «вообще нет, я полностью против». Столь же диаметрально противоположными были и оценки деятельности правительства по разрешению апрельского кризиса. Если большинство эстонцев оценили ее как очень «очень удачную» (23%) или «скорее удачную» (43%), то ответы неэстонцев были поделены преимущественно между теми, кто считал эту деятельность «совершенно неудачной» (56%) или «скорее неудачной» (28%).

Также заметна поляризация при определении поддержки институтов власти или профессиональных групп, которые так или иначе были вовлечены в кризис. По данным опроса, президенту *полностью* доверяют 73% эстонцев и *вовсе* не доверяют 55% неэстонцев, правительству – соответственно 36 и 58%, а полиции – 60 и 51%. Надо отметить, что до апрельских событий уровень доверия к полиции среди неэстонцев был достаточно высок. И среди эстонцев, и среди неэстонцев было крайне много тех, кто *вовсе* не доверял политикам Эстонии, Евросоюза, США и России.

Взгляды на причины уличных беспорядков у эстонцев и неэстонцев также различаются. Среди представителей этнического большинства самыми популярными (более 70%) были следующие озвученные в СМИ объяснения: деятельность «разжигателей розни» и провокаторов, желание России использовать «Бронзового солдата» для дестабилизации обстановки в Эстонии и демонстрации своего влияния, разные источники информации (СМИ) у эстонцев и русских. Среди неэстонцев эти ответы выбрали соответственно 31, 13 и 36%.

Кроме того, значительная часть *эстонцев* поддержала следующие объяснения:

- различный опыт и воспоминания эстонцев и русских, связанные с войной (65%; у неэстонцев – 38%);
- различное толкование русскими и эстонцами факта присоединения Эстонии к СССР (соответственно 64 и 34%);
- различие между преподаванием истории и граждановедения в школах с русским и эстонским языком обучения (60 и 28%);
- различная оценка русскими и эстонцами результатов пребывания Эстонии в составе СССР (57 и 29%);
- различное отношение эстонцев и русских к советской системе (57 и 31%).

Большинство *неэстонцев* склонно считать, что причиной беспорядков были:

- решение правительства убрать памятник и перезахоронить останки солдат (70%; у эстонцев – 55%);
- то, когда и как был перенесен памятник (соответственно 70 и 32%);
- действия полиции во время беспорядков (63 и 18%);
- противоречивая и недостаточная информация, связанная с намерениями и шагами по переносу «Бронзового солдата» (59 и 44%);
- желание политиков заработать голоса избирателей на переносе «Бронзового солдата» (58 и 20%);
- недостаточное общение между правительством и русскоязычным сообществом (56 и 44%);
- протест против политики эстонского государства в отношении неэстонцев (51 и 24%).

Следующие объяснения пользовались сопоставимо большим уровнем поддержки среди эстонцев, и неэстонцев:

- различное толкование фашизма русскими и эстонцами (эстонцы – 60%, неэстонцы – 50%);
- разная интерпретация эстонцами и русскими собраний русскоговорящих вокруг «Бронзового солдата» (соответственно 44 и 38%);
- конфликт геополитических интересов крупных международных игроков (соответственно 44 и 38%).

Были и варианты ответов, по которым разница набранных голосов между эстонцами и неэстонцами достигала шести раз. Так, 42% эстонцев сочли причиной беспорядков «деятельность российских спецслужб» (против 7% респондентов из числа меньшинств); не согласились с подобным утверждением 13% эстонцев и 71% неэстонцев.

Рассматривая ответы на вопрос, как изменились этнические отношения после апрельских событий, социологи столкнулись с интересным феноменом: больше негативных изменений виделось респондентам «в целом в Эстонии» (в СМИ, политике, общественном сознании), нежели в кругу знакомых или в непосредственно посещаемых общественных местах. О том, что отношения (значительно или частично) ухудшились «в целом в Эстонии», заявили 44% эстонцев и 56% неэстонцев. Если 47% эстонцев убеждены, что «теперь, когда памятник находится на новом месте», кризис (полностью или скорее) разрешился, то среди меньшинств таковых было лишь 22% (против соответственно 36 и 58%).

Респондентов также спросили, будет ли кризис вокруг «Бронзового солдата» иметь долгосрочные последствия для общества Эстонии. Следует отметить следующие обстоятельства, которые, по мнению и эстонских, и неэстонских респондентов, вызваны «в очень значительной степени» апрельским кризисом: недоверие к властям и глубокая обида русскоязычных на правительство (у эстонцев – 25%, у неэстонцев – 63%), усиление давления на Эстонию со стороны России (соответственно 34 и 17%), обострение межнациональных отношений, конфликт между русскими и эстонцами (22 и 26%), негативные последствия для экономики Эстонии (15 и 39%).

Ниже приведем обстоятельства, которые заметная часть неэстонских респондентов (в отличие от эстонцев) сочла «в очень значительной степени» порождением апрельского кризиса:

- негативное влияние на имидж Эстонии (40%);
- подавление свободы мнений, ограничение демократии (46%);
- усиление вмешательства полиции во все сферы деятельности, включая высказывание мнений жителями Эстонии (30%);
- сведение политического выбора людей к их отношению к «Бронзовому солдату» (30%).

Любопытно сравнить предпочтения эстонцев и неэстонцев, которым социологи предлагали пары утверждений, касающиеся интеграционной тематики. Если 62% представителей меньшинств согласны с тем, что «кризис сделал отношение общественности к интеграции резко отрицательным», то 45% эстонцев предпочли вариант: «Кризис создал у общественности Эстонии больший, чем ранее интерес к интеграции». Кроме того, если 59% неэстонцев согласились, что «кризис показал, что нынешняя интеграционная политика полностью неудачна и нет смысла тратить на нее деньги», то 40% и эстонцев, и неэстонцев, тем не менее, согласились, что кризис продемонстрировал необходимость политики интеграции, «но ее следует сделать более содержательной».

Четверть эстонцев и половина неэстонцев уверены, что «кризис разделил эстонцев и русскоязычное население на два отчетливо противостоящих лагеря». Однако 41% эстонцев и 33% неэстонцев предпочли другой вариант ответа: «Кризис выявил, что среди эстонцев и русскоговорящих есть определенная общность людей, между которыми есть взаимопонимание».

Особый интерес в экспертной среде вызвал вопрос о том, как повлияли на кризис средства массовой информации. В целом можно отметить, что подавляющее большинство эстонцев оценили работу эстоноязычных газет, радио и телевидения как объективную и разностороннюю. Русскоязычные респонденты проявили скептицизм, и более половины из них дали высокую оценку только российским телеканалам и местным русским газетам. В целом и эстонцы, и неэстонцы давали умеренно негативную оценку СМИ, выходящим (транслируемым) на другом языке, нежели родной язык респондента. При этом 35% эстонцев и лишь 14% неэстонцев согласились с мнением вице-спикера эстонского парламента К. Оюланд, заявившей, что надо изучить вопрос об ограничении трансляции в Эстонии российского спутникового телевидения.

Вадим Полецук

В основу текста легли бюллетени Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (см. <http://www.eawarn.ru>).

АПРЕЛЬСКИЕ БЕСПОРЯДКИ В ТАЛЛИНЕ: ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Часть I. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

В апреле 2007 г. в эстонской столице имели место массовые акции протеста, переросшие в уличные беспорядки. Они были связаны с решением республиканского правительства перенести с площади Тынисмяги в Таллине памятник, стоящий на могилах советских солдат, павших в 1944 г. в боях с нацистами. Решение об эксгумации останков и переносе памятника было принято вопреки мнению большинства жителей столицы и позиции таллинского муниципалитета. В период 26-29 апреля 2007 г. в вечернее и ночное время в Таллине были задержаны сотни людей, в основном принадлежащих к русскоязычному меньшинству. По официальным данным 26-29 апреля 2007 г. более тысячи человек прошли через специально созданные «фильтрационные пункты» (места временного содержания). Подавляющее большинство задержанных были отпущены под утро без составления протокола о задержании и предъявления каких-либо обвинений.

По прекращению массовых беспорядков руководители страны (премьер-министр, министр юстиции, министр внутренних дел) публично заявили, что во время подавления массовых беспорядков никаких нарушений со стороны полиции не было и быть не могло. Подобные заявления были сделаны, несмотря на то, что в СМИ сразу же появилась информация (включая фото и видеоматериалы) о случаях излишнего применения силы со стороны полиции.

При помощи Центра информации по правам человека порядка 50 лиц, пострадавших от полицейского произвола, подали жалобы в прокуратуру/канцлеру права. Суть этих жалоб можно свести к следующему (см. детали заявлений в части 2):

- При разгоне несанкционированного митинга вечером 26 апреля 2007 г. на Тынисмяги полиция начала применять спецсредства в отношении лиц, которые не вели себя агрессивно. От неадекватно жестких действий полиции пострадали люди, находившиеся недалеко от Тынисмяги вечером 27 апреля 2007 г., в том числе сторонние наблюдатели и даже пешеходы.
- В ночь на 28 и 29 апреля 2007 г. полиция прибегала к задержанию даже случайных прохожих, находившихся в центральной части города. Более того, полиция не уведомляла людей о причине задержания либо предлагала заведомо неприемлемое объяснение. Многие свидетели из числа подвергшихся задержанию жалуются, что им не позволили проинформировать родственников о задержании. Не было этого сделано и сотрудниками правоохранительных органов.
- Большинство свидетелей среди подвергшихся задержанию лиц указывают на то, что полицейские били людей, которые уже находились в беспомощном состоянии. Также ряд свидетелей были вынуждены в вечернее время в апреле лежать на земле (иногда достаточно долго). Имеются свидетельства о грубом обращении с задержанными во время транспортировки и в арестных домах.

- Самое большое число сообщений свидетелей касается условий содержания в т. н. Д-терминале, т. е. в складских помещениях в районе Таллинского порта. Практически все свидетели упоминают, что задержанных заставляли довольно долго сидеть на корточках и со связанными сзади руками – это причиняло физические страдания. Имеется много свидетельств о нанесении сотрудниками правоохранительных органов побоев задержанным, в том числе немотивированных. Некоторые свидетели указывают, что задержанным не давали воды и не всех водили в туалет. Медицинская помощь оказывалась, но с задержками.

1. Эстонское законодательство

Общие принципы, касающиеся рассматриваемой нами темы, содержатся в Конституции Эстонской Республики. Статья 18 основного закона запрещает применение пыток, жестокого или унижающего достоинство обращения или наказания; статья 20 запрещает необоснованное лишение свободы и нарушение права на неприкосновенность личности; статья 21 Конституции предусматривает право на получение информации о причине лишения свободы и на получение разъяснений о правах задержанного, а также предусматривает право задержанного сообщить о лишении свободы своим близким или родственникам (это право, правда, можно ограничить); статья 22 устанавливает принцип презумпции невиновности.

В Эстонии специальные нормы, регулирующие действия полиции, содержатся только в Законе о полиции. Часть 6 статьи 14 этого закона позволяет полиции использовать при выполнении служебных обязанностей спецсредства, холодное и газовое оружие при массовых беспорядках или групповых нарушениях общественного порядка (пункт 4). Спецсредства и оружие можно также применять (пункт 6):

- при задержании правонарушителей;
- при доставке правонарушителей в полицию или служебное помещение и при их конвоировании;
- при защите задержанных;
- в отношении задержанных и взятых под стражу лиц, если они не подчиняются или оказывают сопротивление полицейским или другим лицам, которые выполняют общественные обязанности по защите общественного порядка или по борьбе против преступной деятельности;
- если имеются достаточные основания считать, что задержанные могут сбежать, причинить вред другим лицам, окружающим и самим себе.

Согласно части 8 статьи 14, полицейский может использовать при выполнении служебных обязанностей и для обеспечения собственной безопасности средства индивидуальной защиты и физическую силу.

Важный принцип содержится в части 7 статьи 14 Закона о полиции: при использовании против правонарушителя спецсредств, холодного и газового оружия необходимо учитывать характер правонарушения, личность правонарушителя и конкретные обстоятельства. Также следует избегать причинения здоровью человека большего вреда, чем это неизбежно в конкретном случае.

Согласно частям 1-3 статьи 217 Уголовно-процессуального кодекса (УПК), по общему правилу в качестве подозреваемого лицо можно задержать до 48 часов, если оно было застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; если очевидцы или потерпевшие указывают на данное лицо как на совершившее преступление; либо если следы преступления ведут к данному лицу как к совершившему преступление. В иных случаях лицо может быть задержано, если оно покушалось на побег; не установлена его личность; если оно может продолжать совершать преступления; может скрыться от производства по делу или воспрепятствовать ему иным образом. О задержании составляется протокол.

Часть 10 статьи 217 УПК гарантирует задержанному в качестве подозреваемого возможность передать через ведущее производство лицо сообщение о своем задержании хотя бы одному близкому человеку. В этом праве может быть отказано с разрешения прокуратуры, только если передача такой информации может нанести вред производству по уголовному делу.

Нарушение указанных в Законе о полиции и УПК требований со стороны официальных лиц может подпадать под действие следующих статей Уголовного кодекса:

- Статья 118. Причинение тяжкого вреда здоровью
- Статья 121. Применение физического насилия
- Статья 122. Истязание
- Статья 136. Лишение свободы без законного основания
- Статья 291. Превышение власти
- Статья 324. Незаконное обращение с заключенным, арестованным или заключенным под стражу

Участники массовых беспорядков могут преследоваться на основании следующих положений Уголовного кодекса:

- Статья 149. Оскорбление памяти усопшего
- Статья 231. Насильственные действия, направленные против независимости и суверенитета Эстонской Республики
- Статья 233. Ненасильственные действия иностранца, направленные против независимости и суверенитета Эстонской Республики
- Статья 238. Организация массовых беспорядков
- Статья 239. Совершение виновных деяний во время массовых беспорядков
- Статья 262. Нарушение общественного порядка
- Статья 263. Грубое нарушение общественного порядка
- Статья 275. Поношение и оскорбление представителя власти или иного лица, охраняющего общественный порядок
- Статья 276. Игнорирование законного распоряжения представителя власти.

2. Международное законодательство

Ряд международных документов дает ценные указания национальным правительствам о нормах и стандартах поведения в условиях массовых беспорядков.

Международный пакт о гражданских и политических правах. Европейская конвенция о правах человека. Статья 7 Пакта и статья 3 Конвенции гласят, что никто не дол-

жен подвергаться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему его достоинство обращению или наказанию.

Конвенция ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Часть 2 статьи 3 Конвенции гласит, что «никакие исключительные обстоятельства, какими бы они ни были, будь то состояние войны или угроза войны, внутренняя политическая нестабильность или любое другое чрезвычайное положение, не могут служить оправданием пыток». Под пытками Конвенция понимает «любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия» (часть 1 статьи 1).

Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятый резолюцией 34/169 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1979 г. Статья 3 Кодекса позволяет должностным лицам по поддержанию правопорядка применять силу только в случае крайней необходимости и в той мере, в какой это требуется для выполнения их обязанностей. Согласно статье 5, ни одно должностное лицо по поддержанию правопорядка не может осуществлять, подстрекать или терпимо относиться к любому действию, представляющему собой пытку или жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания.

Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, утвержденный резолюцией 43/173 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1988 г. Кроме прочего, Свод гарантирует задержанным гуманное и достойное обращение (принцип 1); устанавливает, что никакие обстоятельства не могут служить оправданием для применения пыток или других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания (принцип 6); требует, чтобы каждому арестованному сообщались при аресте причины его ареста и без промедления сообщалось любое предъявленное ему обвинение (принцип 10); устанавливает требования к составлению протокола задержания (принцип 12); устанавливает, что задержанному или находящемуся в заключении лицу предоставляется возможность пройти надлежащее медицинское обследование в возможно кратчайшие сроки после его прибытия в место задержания или заключения; впоследствии ему предоставляется медицинское обслуживание и лечение всякий раз, когда в этом возникает необходимость (принцип 24).

Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, принятые на первом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в 1955 г. Пункт 92 Правил четко устанавливает, что «подследственные заключенные должны иметь возможность немедленно информировать семью о факте их заключения, пользоваться разумной возможностью общения с родственниками и друзьями и принимать их в тюрьме, подвергаясь при этом только тем ограничениям и надзору, которые необходимы для должного отправления правосудия, соблюдения требований безопасности и обеспечения нормальной работы заведения».

Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка, принятые восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в 1990 г. Статья 4 Основных принципов указывает, что «должностные лица по поддержанию правопорядка при осуществлении своих функций, насколько это возможно, используют ненасильственные средства до вынужденного применения силы или огнестрельного оружия. Они могут применять силу и огнестрельное оружие только в тех случаях, когда другие средства являются неэффективными или не дают каких-либо надежд на достижение намеченного результата».

3. Стандартные мотивировки отказа в возбуждении уголовного производства

По эстонскому законодательству отказ в возбуждении уголовного производства префектурой полиции можно оспорить в окружной прокуратуре, негативное решение окружной прокуратуры – в государственной прокуратуре, постановление которой – только путем подачи через адвоката жалобы в Окружной суд. Соответствующее определение окружного суда является окончательным и обжалованию не подлежит (части 1 и 2 статьи 207, часть 1 статьи 208 и пункт 8 статьи 385 УПК). Следует отметить, что у жалобщиков возникали проблемы с поиском адвокатов, многие из которых не хотели браться за такие дела, боясь испортить отношения с властями.

Мотивировки отказов из полиции и прокуратуры (а позже и Окружного суда) были типовыми:

- С учетом событий в Эстонской Республике 27 апреля 2007 г., полиция должна была обеспечить внутреннюю безопасность государства и общественный порядок.
- Поскольку речь шла о скоплении больших масс народа и о необходимости обеспечения общественного порядка в период волнений, у полиции было право применять силу и спецсредства. Вариант: жалобщик не подчинился законному распоряжению полицейских покинуть место несанкционированного массового собрания, и те были вынуждены применять против него силу/спецсредства.
- Ситуация в местах временного содержания была крайне сложной. Полицейские были вынуждены применять силу/спецсредства для обеспечения контроля над ситуацией.
- Жалобщик мог пострадать от рук «сообщников»/третьих лиц в условиях уличных беспорядков. Вариант: жалобщик не доказал/недостаточно убедительно доказал наличие у него телесных повреждений.

Таким образом, отказы в возбуждении уголовного производства, как правило, базировались на одной из следующих убежденностей:

- податель жалобы является правонарушителем, против которого законно применили силу/спецсредства;
- сообщая о причинении телесных повреждений, жалобщик действует недобросовестно;

- во всех без исключений случаях использование силы со стороны полиции было обоснованным;
- любые совершенные полицией действия можно оправдать ссылкой на особую ситуацию в стране в конце апреля 2007 г.

Примеры процессуальных действий, которые не были выполнены в отношении жалобщиков:

- допрос подателя жалобы;
- приобщение и осмотр видеозаписи (официальной/СМИ), которая проводилась при проведении полицейской операции/на месте задержания жалобщика;
- затребование и приобщение материалов по задержанию;
- допрос медицинских работников, находившихся в местах временного содержания;
- допросы медицинских работников «скорой помощи», госпитализировавших жалобщика/допрос лечащего врача;
- назначение судебно-медицинской экспертизы;
- установление и допросы свидетелей задержания/содержания в заключении и т. п.

Можно смело утверждать, что индивидуальные особенности каждого заявления никто не анализировал.

После того, как окружной суд своими определениями также отказался удовлетворить жалобы, поданные по случаям отказа в возбуждении уголовного производства, все внутренние средства защиты оказались исчерпаны. Теперь жалобщикам остается искать справедливости в Европейском суде по правам человека.

Часть II. ОБЗОР ЖАЛОБ НА ДЕЙСТВИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Начиная с 30 апреля 2007 г. Центр информации по правам человека начал принимать на «горячую линию» сообщения от людей, которые считали себя жертвами действий полиции в ходе разгона митинга на Тынисмяги 26 апреля 2007 г., а также в ходе подавления начавшихся затем беспорядков. Всего было зафиксировано более 50 обращений, большинство которых было позднее при помощи сотрудников Центра оформлено в виде официальных жалоб канцлеру права и/или в прокуратуру.

Ниже дан обзор содержания жалоб, выполненный на основании 35 заявлений, большая часть которых были составлены для канцлера права или прокуратуры. Копии всех этих заявлений, подписанные жалобщиками и содержащие их контактные данные, имеются в архиве Центра. Были отобраны лишь заявления, касающиеся событий в городе Таллине 26-29 апреля 2007 г. Следует иметь в виду, что все приведенные в заявлениях утверждения являются именно утверждениями частных лиц, которые так и не были подтверждены либо опровергнуты в ходе судебных процедур.

Каждое заявление состояло из ряда утверждений, касающихся лично жалобщика или событий, которым он/а стал/а свидетелем (утверждениям первого вида отдавалось предпочтение). Текст каждого заявления был разбит на «сюжеты», касающиеся того или иного аспекта работы правоохранительных органов в чрезвычайной ситуации. По возможности текст заявлений оставлялся без изменений (однако исправлялись грубые грамматические ошибки и написание топонимов). Мы также не меняли использовавшуюся авторами заявлений терминологию («спецназ» и т. п.). Высказывания эмоционального характера по возможности исключались.

Центр информации по правам человека признает, что заявления, на основании которых составлен данный обзор, не могут дать полной картины произошедшего по следующим причинам:

- В обзоре не представлена позиция правоохранительных органов. В то же время следует сказать, что правоохранительные органы отказались возбуждать уголовные производства по приведенным в заявлениях фактам, что лишило нас возможности добиться их анализа в ходе беспристрастного расследования.
- Излишняя политизация вопроса привела к тому, что среди заявителей, обратившихся в нашу организацию, не было ни одного эстонца. О схожем негативном опыте жертв эстонской национальности известно только из публикаций СМИ.
- В создавшихся условиях лишь лица, которые считают себя абсолютно невиновными в каких-либо правонарушениях, составляли заявления, которые и стали основанием для данного обзора. Так, уголовное или административное производство было начато в отношении лишь нескольких человек из более чем трех десятков заявителей. Это определяет и крайне «обвинительный» настрой авторов заявлений.

1. Разгон митинга на Тынисмяги вечером 26 апреля 2007 года

Митинг вечером 26 апреля 2007 года на Тынисмяги не был санкционирован. Очевидно, что собравшиеся там люди не реагировали на призывы полиции разойтись. Тем не менее ряд свидетелей утверждает, что полиция начала применять спецсредства в отношении лиц, которые не вели себя агрессивно.

Свидетельница (68 лет): «Я стояла возле продуктового магазина, когда полиция внезапно атаковала мирно стоящих людей и стала применять силу и спецсредства – слезоточивый газ, резиновые пули и т.п. . . Поскольку людей было много, у меня не было возможности покинуть место событий. Я получила рану на правой руке в районе кисти, рану на щеке, голове и левом плече в результате многочисленных ударов дубинкой».

Свидетельница (36 лет): «После того, как призывы полиции разойтись не возымели должного действия, полиция пустила в ход дубинки, слезоточивый газ и дымовые шашки. Еще не было разбито ни одного стекла, когда нас стали избивать дубинками. Мы бежали, и сзади со спины наносились удары дубинками. Они наносились абсолютно всем: и женщинам, и детям, и молодым, и старым».

Свидетель (56 лет): «Я находился у памятника на Тынисмяги и наблюдал за работами по перезахоронению. Потом я отошел на улицу Эндла и стоял возле светофора. Недалеко от меня находились полицейские, а позади них стоял офицер с рацией. Ему поступила какая-то команда, он что-то крикнул, и они достали дубинки. Всё началось мгновенно, они стали бить всех подряд, без разбору и куда попало. Меня ударили дубинкой по голове. Мне разбили голову, я упал, меня подхватили люди и отвели в сторону. Мы позвонили в «скорую», но они отказались приехать на площадь Тынисмяги. Через полчаса мне всё-таки оказали помощь. Мне наложили швы на голову. У меня теперь на голове шрам 10 см».

Свидетель (33 года): «26 апреля 2007 года, возвращаясь домой с работы, на улице Тынисмяги я попал в толпу. . . Сотрудник спецназа, вооруженный дубинкой, подбежал ко мне и жестом показал мне двигаться за толпой. Но не успел я сделать несколько шагов, как был сбит ударами по спине и по голове дубинками».

2. Разгон людей, собравшихся около Тынисмяги 27 апреля 2007 года

Ряд свидетелей утверждает, что 27 апреля 2007 года полиция агрессивно вела себя с людьми, находившимися недалеко от Тынисмяги, и что пострадало немало сторонних наблюдателей.

Свидетель (29 лет): «Около 20:00 я пришел на бульвар Каарли в качестве репортера, имея при себе фотоаппарат и репортерское удостоверение, и пробыл там примерно до 22:00. Я стал свидетелем того, как полицейские гнали собравшихся людей по бульвару Каарли и проезжей части слева от нее (если стоять лицом к церкви) в направлении подземного перехода. Располагающийся в конце бульвара Каарли вход в подземный переход был заблаговременно заблокирован. Собравшиеся растянулись по всему бульвару Каарли. По моим наблюдениям, наиболее энергичные и агрессивно настроенные люди находились «в первых рядах»,

то есть ближе к церкви Каарли и горке Тынисмяги, в то время как ближе к Вабадузе вальяк располагались наблюдатели и зеваки, которые не совершали никаких противоправных действий, более того, не имели возможности их совершить (до полицейских оттуда слишком далеко). В какой-то момент (предположительно около 21:45) полицейские со спецсредствами (каска и прозрачные щиты, по которым они били дубинками, видимо, для устрашения) побежали на собравшихся, двигаясь в направлении от Тынисмяги к Вабадузе вальяк по проезжей части – к тому времени дорога была перекрыта. Собравшиеся, в свою очередь, побежали к Вабадузе вальяк и столкнулись с цепочкой полицейских (далее – спецназ, хотя я не уверен, что это он) в черной одежде – в отличие от полицейских, наступавших со стороны Тынисмяги, которые были в светящихся желтых жилетах. Спецназ расположился цепочкой наперерез бежавшим людям, перекрывая им путь к Вабадузе вальяк. Благодаря черной форме он был почти незаметен. Я видел, что первыми до спецназа добежали именно наблюдатели и зеваки. Спецназ с ними не церемонился: первых добежавших не выпустили из «кольца», их отталкивали, на них орали по-русски «Назад!» и «Вниз!», что можно было расценить как приказ упасть на землю или асфальт. Если люди не подчинялись, то есть не падали на землю, их без предупреждения били дубинками (подчеркну: без какой-либо агрессии со стороны этих людей), сбивали на землю, связывали руки за спиной и опять били дубинками. Если люди подчинялись, происходило то же самое: им связывали руки и иногда били, видимо, для устрашения... Часть из них, видя, что происходит, пыталась прорваться сквозь цепочку спецназа. Некоторым это удалось. Повторю: спецназ жестоко расправлялся именно с теми, кто был «в задних рядах», то есть просто стоял и наблюдал за происходящим. Иногда спецназовцы набрасывались по двое-трое на человека. Спецназовцы явно отдавали себе отчет в своих действиях».

Свидетель (31 год): «Я находился возле Часов свободы на Вабадузе вальяк и производил фото и видеосъемку. В 22:28 подбежавший со спины сотрудник полиции специального назначения ударил меня по опорной ноге дубинкой. Я был трезв, правопорядок не нарушал, среди окружавших меня никаких агрессивных людей не было, равно как и тех, кого можно было принять за хулиганов и погромщиков».

Свидетель (43 года): «Примерно в 21:15 я присел на скамейку на бульваре Каарли, чтобы отдохнуть. На скамейке рядом со мной никого не было. Ко мне подошли двое сотрудников полиции без опознавательных знаков и в грубой форме потребовали покинуть это место. После моего вопроса, в какую сторону лучше идти, полицейские сбили меня с ног и стали избивать в течение 2-3 минут».

3. Задержания 27/28 апреля: принципы задержания

На основании многочисленных свидетельств можно сделать вывод, что вечером 27 апреля и ночью 28 апреля 2007 года полиция прибегала к задержанию даже случайных прохожих, находившихся в центральной части города. Более того, полиция не уведомляла людей о причине задержания либо предлагала заведомо неприемлемое объяснение. Немало случайных лиц было задержано, так как именно они в отличие от правонарушителей не скрывались при виде полиции. Официального запрета посещать Старый город не было. Там работали бары и рестораны.

Свидетель (47 лет): «В 23:30, когда мы с женой шли в центре Таллина по улице Виру, полиция оцепила весь квартал и хватала всех подряд. Те, кто в это время громили витрины, воспользовались переулками и благополучно скрылись. Оставшихся, которые полагали, что бежать – это провоцировать к задержанию, ударами по ногам повалили на землю лицом вниз и надели пластиковые наручники. Рядом со мной оказался эстонец, который начал по-эстонски что-то объяснять полиции, и его отпустили».

Свидетель (30 лет): Около полуночи «я и мой брат перешли Пярну маантеэ (она была перекрыта полицией) и вышли на улицу Георга Отса, намериваясь обойти район, оцепленный полицией. Мы услышали сзади крики и топот. Я заметил, что несколько сотрудников полиции бегут к брату. Мы не пытались бежать. Я подумал, что это недоразумение, но, поравнявшись с братом, первый из полицейских сходу нанес ему удар дубинкой по голове, и брат упал. В эту минуту меня тоже ударили по голове... На мой вопрос («За что нас избили?») полицейский, который бил брата, сказал, что у нас руки в крови и следовательно мы били витрины. Я его сначала не понял, но когда нас посадили в автобус, то почувствовал кровь, текущую из шеи. Руки мы испачкали, когда лежали на тротуаре и держали их за головой. До этого руки были чистыми».

Свидетель (43 года): «Когда меня повели на установление личности, на мой вопрос о причине задержания полицейский мне ответил, что я сам виноват в этом».

Свидетель (21 год): «Проводив девушку, я отправился пешком домой. В 2 часа ночи я находился на углу улиц Виру и Пярну маантеэ. Шел один, не нарушая общественного порядка. Раздались крики полицейских, и они побежали. Я не понял, что это относится ко мне, ведь я просто шел домой. Увидев, что в мою сторону бегут двое полицейских, я остановился, поднял руки и, подчинившись приказу, лег на землю, при этом разбил подбородок об асфальт, т.к. меня толкнули». *(События в ночь на 27 апреля)*.

Свидетель (14 лет): «Примерно в 19:30 в районе улицы Туукри я шел домой. Впереди меня шли трое молодых парней (примерно 15-16 лет). Навстречу двигался автобус... Из него выскочили полицейские, более 15 человек, заломили этим парням руки и, надев наручники, повалили их на землю. Я испугался и побежал к остановке автобуса на Нарва маантеэ. Меня догнал полицейский, схватил за шиворот и потащил к месту, где лежали ребята. Там меня повалили, сильно прижали грудь коленом, надели пластмассовые ремешки на руки».

Свидетель (32 года): «Примерно между 23 и 24 часами я проходил через Ратушную площадь в сторону улицы Виру (шел домой). Со мной было трое моих знакомых, с которыми я учусь в университете. Все были абсолютно трезвые, не агрессивные, ничего не кричали. На Ратушной площади было мало народу. Навстречу нам шла группа полицейских (15-20 человек). Так как мы не участвовали ни в каких митингах и нам нечего было бояться, то мы просто пошли дальше. Неожиданно один из полицейских что-то крикнул, и они на нас напали... На мой вопрос: «Почему нас задержали?» был дан грубый ответ: «Надо сидеть дома!»... Мне ответили, что нас везут в «фильтрационный лагерь»».

Свидетель (32 года): В Д-терминале «я пытался узнать, за что меня задержали. Но в ответ на меня только кричали».

Свидетель (30 лет): «Когда меня отпустили, то я спросил, в чем моя вина. Мне ответили, что я оказался не в том месте и не в то время».

Свидетель (33 года): «27 апреля исполнялось 2 недели моему ребёнку. Я работаю в транспортно-портной фирме. В этот день смена закончилась в 22:30... Мы хотели купить в цветочном киоске цветы, чтобы поздравить жену. В манифестации возле Бронзового солдата участие не принимали, и даже не было таких мыслей. Приблизительно в 00:20 мы стояли около клуба «Венус» и разговаривали. Внезапно вокруг появились полицейские. Двое набросились на меня и без объяснений причин заломили руки, связали их строительной стяжкой и бросили лицом на асфальт».

Свидетели (оба 30 лет): «Около 23:45 мы вышли из ресторана «Биерхаус» и пошли в сторону площади Вабадузе (у нас была припаркована машина возле «Кристийне кескус»). В конце улицы Харью мы вышли к полицейскому заклону. Проходя мимо полицейских, спросили, где можно пройти в сторону Кристийне. Нам никто не ответил, и мы пошли вниз по улице Мюйривахе. Мы слышали сзади крики и топот. Заметил, что несколько сотрудников полиции бегут в нашем направлении. Мы не пытались бежать. Подумали, что это недоразумение. Поравнявшись с нами, полицейские с ходу начали нас избивать дубинками по голове и спине. Повалили на землю. Мы лежали на тротуаре лицом вниз, держа руки за головой. Нам сказали, чтобы мы убрали руки за спину, после чего нам их связали. Мы спрашивали, за что нас бьют, ведь мы не делали ничего противоправного и не сопротивляемся».

4. Задержания 28/29 апреля: принципы задержания

Учитывая имеющиеся свидетельства, есть основания считать, что вечером 28 апреля и в ночь на 29 апреля 2007 года полиция в «профилактических целях» задерживала находившихся в Старом городе лиц, говоривших по-русски. Официального запрета посещать Старый город не было (однако в СМИ к тому времени были озвучены подобные просьбы некоторых официальных лиц). Продолжали работу большинство баров и ресторанов.

Свидетель (36 лет): «Ко мне подошел полицейский и спросил документы. Я предъявил ему ID-карту. Он спросил, какое у меня гражданство. «Какая разница?» – ответил я. «Сейчас узнаешь», – был его ответ, и мне на руки намотали пленку... Под утро в камере я спросил, почему меня задержали. Мне ответили, что не стоило выходить из дому до 9-го мая».

Свидетель (22 года): «Находясь недалеко от «Хесбургера», что в Старом городе увидели полицейских. Они к нам подошли и спросили документы. Мы показали. После этого нас повернули спиной и стали обыскивать. Не найдя ничего противозаконного, нам начали вязать руки хомутами. Я начал возмущаться, говорить, что они не имеют права, что нас не за что задерживать, что это незаконно. На это один полицейский сказал по-русски с эстонским акцентом: «Заткнись!»... Продержали в камере с 23 часов до 8 утра. При выходе возвращали вещи, и приходилось подписывать бумагу, где значилось: «Вещи получил, претензий не имею»».

5. Задержания 27/28 апреля: методы задержания

Большинство свидетелей из числа подвергшихся задержанию лиц указывают на то, что полицейские били людей, которые уже находились в беспомощном состоянии. Также ряд свидетелей были вынуждены в вечернее время в апреле лежать на земле (иногда достаточно долго). Полиция использовала в качестве наручников пластиковые стяжки (которые свидетели называют по-разному).

Свидетельница (50 лет): «Я встретила с дочерью [23 лет] в центре города. Примерно в 21:30 мы пересекли Вабадузе вяльяк. На тротуаре за подземным переходом нас остановили люди в черной форме. Отряд людей в черной форме перегородил нам дорогу и без предупреждения выпустил на нас газ. Затем полицейские повалили нас на землю и стянули руки за спиной пластиковой стяжкой. Дочь оказалась лицом на асфальте... Я пыталась повернуться набок, чтобы хотя бы выплюнуть землю изо рта. Ко мне подскочил полицейский и стал бить ногами с требованием лежать. Видимо, именно тогда был сломан палец правой руки. Мы пролежали на земле 15-20 минут».

Свидетельница (18 лет): «... Мы сами подчинились полиции, легли на землю, но нас все равно избили, при этом наши руки были связаны. Я пролежала на асфальте более 30 минут, затем еще полчаса на газоне перед зданием КаПо. Все это время руки были связаны» (события в ночь на 27 апреля).

Свидетель (21 год): «Лежали лицом вниз более получаса. Одному из полицейских не понравилось, как я лежу, и он дважды ударил сапогом по ноге. На ноге остались ссадины и кровоподтеки. На попытки спросить или сказать что-нибудь отвечали нецензурной бранью, унижающей человеческое достоинство, и жестокими ударами».

Свидетель (18 лет): «Нам связали руки строительной лентой. Мне сдавили ленту особенно сильно, руки занемели. Во время связывания меня очень сильно ударили дубинкой по спине... Десять минут лежали на холодной земле. Потом нас начали поднимать и стаскивать с горки вниз. Внизу меня положили еще на 30 минут на асфальт. Потом приехал автобус и увез 20 человек. Мы еще лежали. Потом приехала полицейская машина, и туда посадили еще 6 человек, в том числе и меня».

Свидетель (52 года): «В промежутке между 17 и 18 часами я находился на бульваре Каарли, так как направлялся к кассам Русского драмтеатра. По обе стороны бульвара стояли полицейские, а на тротуаре находилось много людей. Обстановка была спокойная. Я ступил немного на проезжую часть, чтобы спросить, как лучше перейти бульвар. В это время ко мне бросился полицейский, затем еще двое. Они заломили мне руки и швырнули на газон, затем три раза ударили меня, уже лежащего, дубинкой и ногой. Удары пришлись с правой стороны: по предплечью, бедру и стопе. Я потерял сознание и очнулся, когда подъехала полицейская машина».

Мать свидетеля 14 лет: «Примерно в 18 часов мой сын возвращался из школы домой. Он сел на автобус №40. На Вабадузе вяльяк образовалась сильная пробка, и было перекрыто движение. Он решил выйти из автобуса и пройти пешком через парк и выйти около гостиницы «Таллинн», там сесть на автобус №40 или №59. Но около кафе

«Москва» была взорвана дымовая шашка и все побежали. Там его поймал полицейский, приказал сесть на асфальт и ждать полицейскую машину. Когда машина подъехала, ему заломили руку за спину, ударили кулаком в плечо и повели к полицейской машине, после чего он сильно испугался и расплакался. Так как в машине не оказалось мест, ему связали руки строительной пластиковой стяжкой и приказали ждать другую машину». *(Ребенка из рук полиции позднее вырвала пожилая женщина; есть фото и видеоматериалы).*

Свидетель (32 года): «Приблизительно в 20:00 мы решили поехать в город, отдохнуть в баре в Старом городе. На троллейбусе №5 от остановки «Лилле» доехали до остановки «Хотель Таллинн». После 21.00 от этой остановки мы пошли вверх по Фалги теэ, чтобы выйти к лестнице, ведущей на Вабадузе вяльяк. Где-то на середине улице Фалги навстречу нам побежала толпа подростков, преследуемая полицией в черной форме в масках и бронежилетах. Мы отошли с пути толпы на обочину. Полицейские и большая часть людей пробежала мимо. Мы хотели продолжить прогулку и уже пошли дальше, как внезапно я почувствовал сильный удар по ногам. От неожиданности упал на колени. Попытался встать, но ещё получил два удара по ногам. На меня навалились несколько полицейских, связали руки за спиной и стали избивать металлическими дубинками. Получил удары по голове, рукам, спине и животу».

Свидетель (38 лет): «Около 23 часов находился в Таллине на Вабадузе вяльяк и мирно беседовал со знакомыми. В это время начали раздаваться хлопки и весь народ, который там находился, побежал в разные стороны. Ко мне подбежал полицейский и начал без причины бить меня резиновой дубинкой по спине... Из-за боли от ударов я попытался бежать. Я не понимал, что происходит и почему меня избивают полицейские. Споткнувшись, я упал и почувствовал, что на меня кто-то навалился и стал методично бить по спине и голове чем-то (как потом оказалось, это были полицейские). Когда я очнулся, то почувствовал, что меня переносят куда-то, причем руки у меня были застегнуты сзади».

Свидетель (29 лет): «Приблизительно в 21:30 я находился возле теннисных кортов недалеко от горки Харью. На меня неожиданно напали полицейские. Ничего не объяснили, избили, сломали руку, положили на асфальт и связали сзади руки. Три человека били по голове дубинками и ногами. Я прикрывал голову рукой, и она была сломана».

Свидетель (33 года): «Минут через пять меня перетаскивали ближе к остановке, где уже лежало человек 10-15. Всё это время всех нас заставляли смотреть в асфальт. Парня рядом со мной полицейский ударил ногой по ребрам за то, что он просто поднял голову и посмотрел в сторону».

Свидетель (18 лет): «Мы увидели, что поперек дороги, возле башни Кик-ин-де-Кек стоят человек 30 полицейских. Мы подошли к ним и спросили, как нам пройти до театра «Эстония», так как я опаздывал на последнюю маршрутку. Они нам посоветовали идти вниз к Вабадузе вяльяк. Мы отошли от них метров на 10 и увидели, как на нас со стороны Вабадузе вяльяк бегут полицейские с ружьями, стреляя резиновыми пулями. Я поднял руки и стал кричать «Не стреляйте!» В толпе возле меня были женщины и дети. Потом к нам подбежали и стали кричать по-эстонски, чтобы мы легли. Мы не понимали, что от нас хотят, и нас начали избивать. Потом один полицейский догадался сказать по-русски: «Лежать! Лицом вниз!»»

6. Задержания 26-28 апреля: транспортировка

Имеются свидетельства о грубом обращении с задержанными во время транспортировки.

Свидетель (22 года): «Потом приехал гражданский микроавтобус красного цвета, нас кинули на пол в машину».

Свидетельница (50 лет): «Затем приехал автобус, и нам приказали вставать и идти в него. Автобус был забит людьми до отказа. Мы спрашивали, за что нас задержали. Ответа не было».

Свидетель (29 лет): «Автобус был набит людьми. Полицейские избивали всех. Тех, кто заявлял о своих правах, били с особой жестокостью».

Свидетель (14 лет): «Затем нас потащили в автобус, где приказали сесть на пол со связанными за спину руками. Возле магазина «Ласте маайльм» затащили финна 19-20 лет. Потом еще одного эстонца, который сильно ругался на полицейских. Они стали бить его дубинками по голове, до крови».

Свидетель (21 год): «Потом приехала машина, и нас повезли неизвестно куда и зачем... На самом деле я узнал, где находился, только после того, как был отпущен».

7. Арестный дом на Рахумяэ и здание суда на Лийвалайа 26-27 апреля 2007 года: условия содержания

Имеются свидетельства о том, что во время беспорядков задержанных держали в переполненных камерах. Также сообщалось о побоях. Имеется и одно свидетельство, касающееся медицинской помощи.

Свидетельница (18 лет): «Нас было 6 человек в четырехместной камере. В камере не было никаких туалетных принадлежностей и матрасов, а только железные нары. Было очень холодно». (*Арестный дом на Рахумяэ*).

Свидетель (21 год): «Меня поместили в камеру. Никто ничего не объяснял. Люди все прибывали в камеру. Там было 4 топчана, но вскоре оказалось 20 человек». (*Арестный дом на Рахумяэ*).

Свидетель (25 лет): «Камера, в которой меня разместили, была четырехместная, но в ней находилось 18 человек». (*Арестный дом на Рахумяэ*).

Свидетель (20 лет): «В камере, рассчитанной на двоих, было 7 человек. Воздуха в камере было мало». (*Здание суда на Лийвалайа*).

Свидетель (36 лет): «Когда открыли двери автобуса, я увидел ряд полицейских, которые пинками и ударами погнали нас в подвал. В подвале было много людей: некоторые стояли лицом к стене, некоторые были на полу, многие без сознания. Меня поставили к стене, но когда я попытался размять ноги, меня повалили на пол. Началось избивание, которое отличалось особой жестокостью, как будто хотели унижить и растоптать. Били по голове, тянули в разные стороны ноги, садились на тело. Все сопровождалось ужас-

ными криками и шумом. Через полчаса меня отвели в камеру... Когда меня отпустили, я вышел на улицу и понял, что находился в здании суда на Лийвалайа».

Свидетельница (41 год): «Когда нас привезли в ангар здания суда на Лийвалайа, то стяжку на ногах убрали, поставили лицом к стене. Минут через пятнадцать расстегнули и руки. В ангаре я простояла примерно до четырех часов утра. Было очень холодно, сильно замерзли ноги. Сесть мне не разрешали. Я пыталась объяснить, что у меня больная нога (после сложного перелома там стоит металлический штырь). В ответ женщина полицейский ответила, что мне вообще тут не жить».

Свидетель (25 лет): «В камере мне стало плохо, так как у меня язва желудка (есть история болезни). Меня рвало. Мы попросили врача. Пришла врач, дала таблетку и в грубой форме сказала, что язва – это не такая уж страшная штука и что мне надо меньше пить спиртного. Я потребовал, чтобы у меня взяли анализ крови на содержание в ней алкоголя, в чем мне было отказано... Примерно через три часа у меня опять начались приступы. Мы вновь попросили врача, но тот так и не пришел в камеру. Это могут подтвердить все, находившиеся в камере». (*Арестный дом на Рахумяэ*).

8. «Д-терминал»: условия содержания

Самое большое число сообщений свидетелей касается условий содержания в т. н.

Д-терминале, т. е. в складских помещениях в районе Таллинского порта. Целесообразно разделить их на несколько групп.

8.1 Сидение на корточках; связанные руки

Практически все свидетели упоминают, что задержанных заставляли сидеть на корточках и со связанными руками, что причиняло физические страдания.

Свидетель (30 лет): «Кто-то сзади предложил сесть, но я отказался, так как пол был грязный. Оказалось, что люди сидят не по своей воле: меня потянули за воротник и ударили по ногам, опрокинув на спину».

Свидетельница (50 лет): «Нас заставляли сидеть на корточках. Через какое-то время женщин стали охранять женщины-полицейские. Появилась возможность встать: они с этим мирились. Мужчинам это не позволялось. Мужчин избивали лежащих, со связанными руками. Тех, кто после этого не мог двигаться, выносили волоком за ноги».

Свидетель (43 года): «Меня вместе с другими задержанными сотрудники полиции заставили с применением силы сидеть на коленях или на корточках в течение почти 6 часов на холодном бетонном полу, при этом мои руки были скованы наручниками. Мне запрещали вставать, чтобы размять ноги. Если же я или кто-то другой из задержанных делал попытку встать, нас жестоко избивали».

Свидетель (14 лет): «Нас привезли в Д-терминал, посадили на бетон, наручники сняли спустя примерно 3 часа. Рядом лежал без движения мужчина, руки в наручниках были посиневшими. Другой мужчина просил снять наручники – рук уже не чувствовал. Двое полицейских подошли к нему и затянули ремешки еще туже. Мужчина кричал: «Больно, что вы делаете?» Тогда полицейские схватили его за шиворот, потащили в угол, где стали бить дубинками».

- Свидетель (47 лет): «Сидеть на корточках в пыли было очень неудобно. Через 10 минут ноги затекали, но попытка встать пресекалась ударами резиновой дубинки и ногами... Среди полицейских ходили также люди, одетые по-обычному. Видимо, это был «Кайтселийт». Когда один из них приказал мне по-эстонски «Вниз!», я спросил, кто он такой и почему я должен ему подчиняться. Он повалил меня, связанного, на пыльный пол и стал бить ногами в живот (повредил швы, наложенные после операции несколько лет назад). После все они надели светоотражающие жилеты, наверное, чтобы хоть как-то походить на полицейских».
- Свидетель (18 лет): «Вставать нам не давали. Когда мы вставали размять ноги, нас избивали люди в черной форме из спецназа. Не давали даже сидеть».
- Свидетель (29 лет): «Нас посадили на корточки и запретили вставать. Тех, кто вставал, жестоко избивали... Если кто-то развязывался, то его перевязывали на полчаса так сильно, что немели руки».
- Свидетель (43 года): «Поскольку мои руки были скованы наручниками в течение уже четырех часов, я обратился к сотрудникам полиции с просьбой сковать мне руки на груди или хотя бы ослабить наручники. Их ответом на мою просьбу был смех».
- Свидетель (32 года): «Мне запрещали вставать, чтобы размять ноги. Если же я или кто-то другой из задержанных делали попытку встать, нас жестоко избивали дубинками, били по ногам, по ребрам, в пах».
- Свидетель (32 года): «... Мне приказали сесть на колени. Я сказал, что когда меня задерживали, то отбили ногу и сидеть я не могу. За это меня ударили дубинкой в солнечное сплетение и силой усадили на очень грязный бетонный пол. Я запомнил этого полицейского – это был коротко стриженный небольшого роста молодой человек».
- Свидетель (33 года): «Через три часа разрешили вставать на 15 секунд».
- Свидетель (18 лет): «Я несколько раз просил поменять мне наручники. Этого сделано не было. Когда мне снимали наручники, то не могли их разрезать – так туго они были затянуты. Их снимали 20 минут, выкручивая мне руки».

8.2 Физическое воздействие на задержанных

Чрезвычайно много свидетельств касается нанесения сотрудниками правоохранительных органов побоев задержанным (часть таких случаев приведена в предыдущем разделе «Сидение на корточках; связанные руки»). Ряд свидетелей указывают на немотивированный характер физического воздействия на задержанных. Восемь свидетелей упомянули избиение пожилого иностранца/немца, который что-то потребовал у охранников. Эти и другие повторяющиеся конкретные свидетельства приводятся только по одному разу, хотя не исключено, что некоторые «истории» могут повторяться.

- Свидетель (32 года): «Полицейские прохаживались мимо и били задержанных дубинками, если те пытались спросить их о чем-то или если просились в туалет».
- Свидетель (32 года): «В ангаре была железная решетка, в которой уже находилось человек десять. В эту решетку сажали людей, которые не желали садиться и там 3-4 полицейских их избивали. Особенно жестокими были люди в черной униформе, в масках и с надписью на спине «Оперативгрупп»».
- Свидетель (43 года): «На моих глазах полицейские из тюремного спецназа избили задержанного до бессознательного состояния, отволокли его к стене и оставили лежать в луже собственной крови».

- Свидетель (30 лет): «Мне помогли подняться и отвели в другой конец ангара, где я просидел около четырех часов, наблюдая за тем, как сотрудники полиции избивают людей».
- Свидетель (30 лет): «Среди охранников были молодые люди, на мой взгляд, моложе 18 лет, избивавшие с особым рвением».
- Свидетель (29 лет): «При мне человека били дубинками по голове, потом по полу поволокли в клетку... Также я видел, как избивали пожилого немца лет 60-65 в бежевой куртке. Сначала его избили, потом приковали наручниками к клетке. Полицейские выносили избитых людей из ангара на улицу».
- Свидетель (18 лет): «Избивали всех, даже девушек. Били по ногам тех, кто стоял, избивали лежащих. На одного вылили пену из баллончика; она жгла ему лицо, он кричал... Одного парня избили так, что у него закатились глаза. Потом его вынесли».
- Свидетель (47 лет): «Особенно отличались двое бритоголовых... и один в очках, которым колотить людей явно доставляло удовольствие. Остальные колотили нас изредка... Когда охранники набрасывались на кого-либо и очень сильно били, но мы все начинали кричать, чтобы они остановились. Тогда они начинали избивать нас... Один из парней предложил встать с корточек, выразить тем самым протест. Большинство, кто был способен, встали. Охранники стали колотить всех налево и направо. Влетело еще человек 20 полицейских. Протестующих повалили на пол или дубинками заставили снова сесть... После пересмены пришли трое в черном. Эти были особенно жестоки, били металлическими дубинами и мощными сапогами».

8.3 Доступность воды, возможность сходить в туалет

Некоторые свидетели указывают, что задержанным не давали воды. Некоторых водили в туалет. Однако есть также свидетельства, что многим находившимся там лицам в этом было отказано.

- Свидетель (32 года): «В течение всего времени пребывания в заключении мне не было предложено выпить воды. В туалет пускали не всех, причем особо настойчивых и разговорчивых били».
- Свидетель (32 года): «Я попросился в туалет, а полицейский наотмашь ударил меня».
- Свидетель (47 лет): «Многие хотели пить, но ни разу некому пить не дали. В туалет тоже не водили».
- Свидетель (43 года): «В туалет меня вывели только после 4 часов утра, когда я в пятый раз попросил об этом полицейских».
- Свидетель (27 лет): «На просьбы задержанных отвести в туалет никто не реагировал».

8.4 Доступность медицинской помощи

Согласно свидетельствам медицинская помощь была доступна, хотя и оказывалась в специфических условиях. Следует отметить, что среди свидетелей лиц с медицинским образованием нет.

- Свидетель (23 года): «Примерно в 22.30 полицейские стали обстреливать толпу митингующих. Пули попадали не только в митингующих. Одна из них попала мне в правую руку, от боли я отвернулся. После чего сразу получил дубинкой сзади по голове. В результате этого удара у меня рассечена голова. Потом меня ударили по колену. Я упал, меня связали и просто закинули в машину на других задержанных. Я просил оказать мне меди-

цинскую помощь, но мои просьбы игнорировали. Меня привезли в Д-терминал порта, где я начал терять сознание. Только после этого мне просто перевязали голову. Позже мне стало гораздо хуже. Молодой человек, который был рядом со мной, позвал помощь. Медсестра осмотрела меня и сказала, что надо в больницу. Меня подняли двое полицейских, но я упал от бессилия. Меня не стали поднимать, а просто так потащили до машины скорой помощи».

Свидетельница (50 лет): «Я в автобусе уже почувствовала, что с рукой что-то не в порядке. Просила врача. Через некоторое время врач подошел, посмотрел и ушел».

Свидетель (18 лет): «У одного человека начался [припадок], его стали избивать. Я стал звать врача, тогда начали избивать меня».

Свидетель (47 лет): «Было много людей с серьезными травмами: перелом носа (даже не дали умыться и наклеили какой-то детский пластырь), перелом пальцев кисти, большая рана на ноге. Врачи были, но особой помощи не оказывали... Не знаю, за что его били [полицейские], но били очень жестоко... Минут через десять заметив, что он не двигается, я попросил полицейского вызвать врача... Врач, осмотрев его, отошел с улыбкой, дав понять, что все в порядке. Но когда нас в четвертом часу отпустили, он все также не двигался».

9. Задержания 26-28 апреля 2007 года: проблема информирования родственников

Многие свидетели из числа подвергшихся задержанию жалуются, что им не позволили проинформировать родственников о задержании. Не было этого сделано и сотрудниками правоохранительных органов.

Свидетель (32 года): «Никто мне не объяснил причину моего задержания, не предъявил никаких обвинений, не объяснил мне мои права и не дал сделать ни одного телефонного звонка».

Свидетель (43 года): «Мне не разрешили позвонить родным, чтобы предупредить об аресте... [В Д-терминале] на мои просьбы позвонить по телефону родственникам меня подвергали избиениям».

Свидетель (32 года): «В начале [в Д-терминале] еще можно было двигаться, и я подошел к столу, где сидели женщины-полицейские, чтобы попросить связаться с моей женой. На меня стали кричать. Подошли люди в черной спецодежде, в масках и стали кричать и всех подряд избивать дубинками».

Свидетельница (18 лет): «Меня отвезли в арестантский дом в Мустамяэ. Мне не разрешили связаться с матерью и забрали телефон». *(Имеется в виду: арестный дом на Рахумяэ).*

Свидетель (32 года): «Мне не разрешили позвонить родным, чтобы предупредить их о моем аресте».

Свидетель (14 лет): «Примерно через три часа сидения полицейский спросил меня, сколько мне лет и привел в комнату, где женщина взяла мои данные. С меня сняли наручники, и я стоял еще два часа. Потом спросил полицейского, звонили ли моей маме. Меня

снова отвели в эту комнату и при мне позвонили маме. Мама работала в ночную смену... и не могла забрать меня. Меня посадили в машину и отвезли домой. Это было в 4 часа утра».

Свидетель (33 года): На следующее утро «я попросил сделать звонок моей жене. Мне это пообещали, но моей жене так и не позвонили».

Свидетель (21 год): «За все время нахождения в заключении (20 часов) мне не было разрешено сделать телефонный звонок».

Свидетельница (54 года): «Лишь через три дня, 29 апреля, после неоднократных обращений в полицию я узнала об аресте сына».

Свидетельница (67 лет): «26 апреля в 18:35 мой сын поехал из Тапа в Таллин... В 23:00 я позвонила ему по телефону, но он был отключен... Так я позвонила в арестантский дом и узнала, что мой сын был арестован и 28 апреля отправлен в Тартускую тюрьму. Об этом я узнала только 30 апреля. Ни одно государственное учреждение не сообщило мне о задержании сына».

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Ниже приведены примеры жалоб и типовой ответ с отказом в возбуждении уголовного производства.

1. Заявление Алексея Раттика в полицию (неотредактированный текст; предоставлен Центру информации по правам человека «к сведению»)

27 апреля я шел домой со стороны «Каубамаая» в Мустамяэ. В центре города движение общественного транспорта было перекрыто. Время было где-то 22:35-22:45. Полицейские, которые стояли около площади Свободы, не воспрепятствовали мне при прохождении и никак не сказали, что нельзя входить в эту черту города. Дорога в сторону Тынисмяги была перекрыта толпой народа и полицией, и я решил пройти через Вышгород, мимо собора Александра Невского, на остановку «Койду», где останавливается троллейбус № 3. Когда я поднимался по ступенькам наверх, то толпа с площади Свободы побежала в центр Старого города. За ней бежала полиция и стреляла в убежавших.

Когда я увидел, что и со стороны собора Александра Невского бежит разъяренная полиция с дубинками в руках и избивает всех, кто стоит или бежит, то я встал на колени в стороне от дороги на траву и положил руки на голову. Ко мне подбежал полицейский с дубинкой (у него не было таблички с именем) и хотел заставить меня встать. Угрожая мне полицейской дубинкой, он кричал, чтобы я встал и вышел на дорогу. Видя, что все, кто вставал и шел на дорогу, вначале были расстреляны спецотрядом (он шел в сторону собора Александра Невского со стороны площади Свободы, стреляя из оружия резиновыми пулями), а потом избиты полицейскими при помощи дубинок, я сказал, что уже стою на коленях, руки за голову и никого не трогаю. После этого полиция положила меня лицом на землю и надела на руки сзади временные наручники. Время было примерно 22:50.

Потом меня подняли, отвели на дорогу и положили лицом вниз на каменную дорогу. Никто из полицейских ничего не объяснял, за что я был задержан. Те, кто спрашивал у полиции что-то, получали от полиции удары дубинками по телу. Поэтому я решил, что лучше молчать (полиция кричала всем «Vait!» – «Молчать!»). То, что ноги должны быть на ширине плеч, мне тоже не сказали, а просто ударили по ногам, раздвинув их при помощи ударов.

Примерно в 23:05 меня поднял полицейский (говорил по-эстонски). Он сильно схватил меня за временные наручники и дернул так, что мои плечи хрустнули в районе плеч. Со всеми остальными задержанными меня посадили в автобус и отвезли в бараки около терминала Д в порту.

В бараках меня посадили на землю. При мне избивали граждан Эстонии и граждан других стран. Люди, которые обращались с вопросами к полиции, вместо ответов получали удары дубинками. Где-то в 23.30 прислали граждан Эстонии в полицейской форме и с полицейскими дубинками в руках. Они начали избивать задержанных самым жестоким методом за любую провинность и за то, что задержанные люди задавали вопросы. При мне избивали граждан Германии (отца и сына), когда те хотели объяснить полицейским, что хотят в туалет, что не понимают по-эстонски, что произошла какая-то ошибка.

В туалет я попал после того, как прошло примерно три часа с момента, когда я попросился в туалет. Один из граждан Эстонии (говорил по-эстонски) в полицейской форме (я могу его опознать – он избивал с особой жестокостью задержанных) подошел ко мне и затянул временные наручники так, что мои руки начали неметь и вены вздулись. Так как я переместил руки с временными наручниками вперед из-за спины, то видел, как руки побелели. После этого я попросил другого полицейского расслабить наручники (временные) и надеть новые. Увидев мои руки, он быстро снял эти и надел новые временные наручники более ослаблено. Гражданин Эстонии в полицейской форме, который затянул мне сильно наручники, признался мне в ходе короткого диалога, что он фашист. Он сказал: «Да, я фашист».

Отпустили меня где-то в 3:00-3:15 ночи 28 апреля, записав мои данные. Но и тогда, когда меня отпускали, на вопрос «За что меня задержали?» я не получил никакого ответа.

[Подпись]

4 мая 2007 года

Примечание: заявление принято Пыхьяской префектурой полиции 4 мая 2007 года.

2. Сообщение об отказе в возбуждении уголовного производства № 0723000008 (неофициальный перевод с эстонского языка)

Г-ну Алексею Раттику

Таллин, 10 мая 2007 года

Настоящим сообщаем, что на основании материалов, которые в Пыхьяской префектуре полиции в инфосистеме POLIS зарегистрированы под номером 2300,07,0,0000265, не нашло подтверждения, что в отношении заявителя 27 апреля 2007 года со стороны полицейских было незаконное применение силы. Заявитель не представил справку о наличии телесных повреждений (за исключением следа от стяжки наручниками).

С учетом имевших в Эстонской Республике 27 апреля 2007 года событий, полиция должна была реагировать на нарушения порядка, чтобы обеспечить внутреннюю безопасность государства и общественный порядок.

Также необходимо учитывать время, место и ситуацию произошедшего в ходе этих событий. Поскольку речь шла о больших массах народа и о необходимости обеспечения общего порядка в период волнений, у полиции было право действовать согласно пунктам 6 и 8 части 6 статьи 14 Закона о полиции, согласно которым при задержании нарушителя порядка и при их доставке в полицию у полиции есть право использовать физическую силу и спецсредства (например, наручники) для обеспечения собственной безопасности или если есть основания считать, что задержанные правонарушители могут причинить вред другим лицам, окружающим и самим себе.

На основании вышеизложенного и руководствуясь статьей 194 и пунктом 1 части 1 статьи 199 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) уголовное производство не начинать в виду отсутствия оснований.

В случае несогласия с принятым решением у Вас есть право согласно частям 1 и 3 статьи 207 УПК подать жалобу на решение об отказе в возбуждении в окружную прокуратуру в течение 10 дней с момента получения данного извещения. Согласно части 2 статьи 198 УПК об отказе в возбуждении уголовного производства сообщается лицу, в отношении которого представляется жалоба о преступлении.

3. Жалоба на постановление Государственной прокуратуры от 08.06.2007 г. (первоначальная версия; неофициальный перевод с эстонского языка)

Таллинский окружной суд
Жалобщик:
Геннадий Михайдаров

1) Обстоятельства преступления

Около 22 часов 27 апреля 2007 г. с тротуара бульвара Каарли Геннадий Михайдаров стал случайным свидетелем проходившего поблизости митинга. Массовых беспорядков, погромов и разрушений там не наблюдалось, сопротивления участников митинга полицейским не оказывалось. При этом Михайдаров не участвовал в митинге, находился в стороне от митингующих рядом с операторами телевидения, которые снимали происходящее.

Михайдаров хотел уйти, но в этот момент полиция начала обстреливать митингующих и прохожих, которые не участвовали в митинге, из оружия, стреляющего резиновыми пулями. Две резиновые пули попали г-ну Михайдарову в руку и бедро, причинив телесные повреждения. Затем на него напал полицейский, у которого в руках был щит. Полицейский нанес ему удар резиновой палкой по голове и колену, причинив вред здоровью, опасный для жизни. От полученных телесных повреждений Михайдаров упал на землю.

В таком физическом состоянии Михайдаров не мог оказывать какого-либо сопротивления, однако сотрудники полиции незаконно связали подателю жалобы руки за спиной, используя непредназначенную для этих целей строительную ленту, причиняя тем самым подателю жалобы дополнительные страдания. После этого полицейские бросили Михайдарова в автомашину на тела других задержанных. Он просил оказать медицинскую помощь, так сильно слабел и терял сознание от потери крови. Однако на его просьбы об оказании медицинской помощи полицейские чиновники никак не реагировали.

Михайдарова доставили в Д-терминал, и только там ему оказали медицинскую помощь: сделали перевязку головы и остановили кровотечение. В Д-терминале полицейские заставляли всех задержанных, включая подателя жалобы, постоянно сидеть на корточках; своими криками полицейские оскорбляли человеческое достоинство Михайдарова. От потери крови он начал терять сознание, поэтому задержанный, который был рядом с ним, вызвал медицинскую сестру, а последняя вызвала скорую медицинскую помощь. Податель жалобы не мог сам дойти до машины скорой медицинской помощи из-за своего состояния. Тогда полицейские волоком дотащили его до автомашины, что также следует расценивать как унижающее человеческое достоинство обращение.

2) Квалификация преступления

Чиновник полиции, нарушив требования ч. 7 ст. 14 Закона о полиции, совершил незаконное применение резиновой дубинки по голове, причинив вред здоровью, опасный для жизни, то есть преступление, предусмотренное п.1 ст.118 Уголовного кодекса (УК).

Кроме того, чиновники полиции незаконно в нарушение требований Закона о полиции о применении огнестрельного оружия (ст. 15) использовали огнестрельное оружие, стреляющее резиновыми пулями, и причинили вред здоровью, то есть совершили преступление, предусмотренное ст. 121 УК.

Помимо этого, чиновники полиции совершили истязание, применив вызывающую сильную боль физическое насилие, скрутив за спиной руки у нуждающегося в срочной ме-

дицинской помощи Михайдарова строительной лентой, то есть совершили преступление, предусмотренное ст.122 УК.

При задержании подателя жалобы не был составлен протокол задержания. Против него также не было заведено соответствующее уголовное дело. Из чего следует, что лишение свободы подателя жалобы было осуществлено без законного основания, то есть в отношении него было совершено преступление, предусмотренное ч. 1 ст.136 УК.

Кроме того, чиновники полиции превысили власть, и, нарушая основные принципы деятельности полиции, предусмотренные ст. 4 Закона о полиции, незаконно применили при исполнении служебных обязанностей оружие, специальные средства и насилие, то есть совершили преступление, предусмотренное ст. 291 УК.

Помимо этого, чиновники полиции с использованием служебного положения незаконно обращались с подателем жалобы, унижая его человеческое достоинство и ограничивая его в правах, то есть совершили преступление, предусмотренное ст. 324 УК.

3) Доказательства

Доказательства, на которых основывается подозрение в совершении преступлений, являются:

1. видеозапись задержания лица, подающего жалобу;
2. копия медицинских документов, свидетельствующих о причинении здоровью вреда, опасного для жизни.

4) Краткое описание производства

14 мая 2007 г. податель жалобы обратился к Канцлеру права.

21 мая 2007 г. окружной прокурор Лезлет Кививоя отказалась возбуждать уголовное дело.

28 мая 2007 г. податель жалобы представил жалобу в Государственную прокуратуру на отказ Пыхьяской окружной прокуратуры возбуждать уголовное дело.

8 июня 2007 г. государственный прокурор Анна Касесалу отказала в возбуждении уголовного дела.

Аргументация государственного прокурора Анны Касесалу в ее постановлении вместо анализа конкретной ситуации жалобщика базируется на противоречащих друг другу предположениях абстрактного характера. С одной стороны, она указывает, что жалобщик мог пострадать от рук «сообщников». С другой стороны, утверждает, что его поведение не было законопослушным и что «он не подчинился законному распоряжению чиновников полиции покинуть место несанкционированного массового собрания и чиновники полиции были вынуждены принять меры по обеспечению общественного порядка».

Если у госпрокурора есть данные, что жалобщик пострадал от рук третьих лиц, то уголовное разбирательство следует начинать в их отношении. Но из постановления об отказе в возбуждении уголовного дела следует, что свои предположения госпожа Касесалу строит через отсылку к неким телепередачам. При этом не поясняется, что это были за телепередачи, велись ли они с места интересующего нас происшествия, фигурировал ли в данных телепередачах жалобщик и т. п. Что касается второго предположения о противоправном характере поведения жалобщика и действиях полиции как реакции на него, то здесь государственный прокурор грубо нарушает принцип презумпции невиновности. В отношении подателя жалобы не было заведено уголовного производства и ему не были предъявлены какие-либо дру-

гие претензии. Тем не менее прокурор Касесалу априори считает подателя жалобы правонарушителем. Более того, на этом основании не считает нужным провести предусмотренное эстонским законодательством следствие в отношении противозаконных действий полиции.

Податель жалобы не является правонарушителем и в отношении него не было представлено ни одного документа, свидетельствующего об обратном. Также следует подчеркнуть, что в соответствии с ч. 7 ст. 14 Закона о полиции полиция применяет специальные средства, холодное и газовое оружие в отношении правонарушителей с учетом характера правонарушения, личности правонарушителя и конкретных обстоятельств. В случае применения специальных средств, холодного и газового оружия следует избегать причинения здоровью человека большего вреда, чем это необходимо в конкретной ситуации. Применение силы в отношении подателя жалобы было абсолютно необоснованно, поскольку он не участвовал ни в каких насильственных действиях и от него не исходила угроза. У работников полиции не было ни малейшего основания для его задержания, также как и для того, чтобы бить его дубинкой по голове и надевать наручники. Считаю, что Пыхьяская и Государственная прокуратуры не учли вышеприведённые аргументы.

На поверхностность анализа заявления жалобщика со стороны госпрокурора указывает и тот факт, что прокурор неуместно ссылается на определение Государственного суда от 06.06.2005 г. в деле № 3-1-1-56-05. В определении речь шла о том, что жалоба на отказ Государственной прокуратуры возбудить уголовное производство может быть подана в Окружной суд только через адвоката. К настоящему делу это не имеет никакого отношения. Подобную норму закона жалобщик никогда не оспаривал.

Государственная прокуратура, нарушая принципы уголовно-процессуального производства об обязательности уголовного производства и законности, предусмотренные ст. 6 и ст. 30 Уголовно-процессуального кодекса (УПК), незаконно вынесла постановление об отказе в возбуждении уголовного производства, чем причинила ущерб конституционным правам и свободам Михайдарова и затруднила его доступ к правосудию, предусмотренный частью 1 ст. 6 Европейской конвенции о защите основных прав и свобод.

5) Необоснованно не проведённые процессуальные действия

Процессуальными действиями, которые не были выполнены без всяких на то оснований, являются:

1. Допрос подателя жалобы;
2. Приобщение и осмотр видеозаписи, которая проводилась при проведении полицейской операции;
3. Приобщение и осмотр видеозаписи веб-камеры, расположенной на месте задержания Михайдарова;
4. Приобщение и осмотр видеозаписей операторов телевидения, которые проводили видеозапись этих событий;
5. Затребование из префектуры полиции и приобщение материалов по задержанию;
6. Допрос медицинского работника в Д-терминале;
7. Допросы медицинских работников «скорой помощи», госпитализировавших Михайдарова;
8. Допрос лечащего врача;
9. Назначение судебно-медицинской экспертизы;
10. Установление и допросы свидетелей задержания и содержания в заключении.

На основании вышеизложенного, считаю, что действия Окружной и Государственной прокуратуры в данном случае направлены на лишение подателя жалобы доступа к правосудию. В отношении жалобщика нарушены ст. 5 и ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Также отказ в расследовании деяний, запрещенных ст. 3 этой же конвенции, может расцениваться как неспособность государства гарантировать жалобщнику право не подвергаться пыткам, а также бесчеловечному или унижающему человеческое достоинство обращению.

На основании того, что в заявлении Геннадия Михайдарова имеются признаки преступлений, предусмотренные п.1 ст.118, ст.121, ст.122, ст. 291, ст.136 и ст.324 УК, а также на основании ст.13 Конституции Эстонской Республики, и руководствуясь ч. 1 и ч. 2 ст. 208 УПК, ходатайствую отменить постановление Государственной прокуратуры об отказе в возбуждении производства по уголовному делу и обязать Государственную прокуратуру возбудить уголовное производство.

Приложения:

1. диск с видеоматериалом задержания;
2. копия медицинских документов на 2-х листах;
3. постановление окружного прокурора Лезлет Кививоя от 21.05.2007 г.;
4. постановление государственного прокурора Анны Касесалу от 08.06.2007 г.;
5. заявление лица, подающего жалобу, на 2-х листах

[Подпись представителя жалобщика]

9 июля 2007 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Заявления международных правозащитных организаций об апрельских событиях в Эстонии

Неофициальные переводы на русский язык

1. Международная хельсинкская федерация по правам человека
(International Helsinki Federation for Human Rights – IHF)

Эстонские власти должны расследовать утверждения о жестокости полиции во время беспорядков, связанных с военным мемориалом

Вена, 30 апреля 2007 г.

Международная хельсинкская федерация по правам человека (IHF) призывает эстонские власти тщательно и беспристрастно расследовать заявления о жестокости полиции в ходе недавних беспорядков в стране и гарантировать, чтобы впредь проблема беспорядков решалась бы в строгом соответствии с международными стандартами.

Насильственные протесты разразились в Таллине 26 апреля в связи с решением эстонского правительства переместить советский военный мемориал, находившийся в центре столицы. Беспорядки продолжались две ночи, когда в основном русскоязычная молодежь была вовлечена в столкновения с полицией, грабежи магазинов и акты вандализма. Полиция реагировала, например, используя слезоточивый газ, световые бомбы и водяные пушки. Она арестовала около тысячи человек. Один человек был зарезан и десятки получили ранения в ходе беспорядков. В ночь на 29 апреля протесты распространились на преимущественно русскоязычные города Северо-Востока Эстонии.

Согласно информации, переданной в СМИ, а также данным, полученным IHF, в некоторых случаях полиция непропорционально использовала силу против участников беспорядков. Сообщается, что некоторых протестующих били дубинками, а после задержания их избивали и с ними плохо обращались в местах временного содержания, организованных в терминале Таллинского порта. Некоторые случаи явной жестокости полиции были документированы в телевизионном эфире и в записях мобильных телефонов.

Обязанностью правоохранительных органов является поддержание общественного порядка и гарантия безопасности граждан, при этом они также должны соблюдать международные стандарты, которые требуют использовать силу только в случае крайней необходимости и в той мере, в какой это требуется для выполнения их обязанностей (1). Они могут использовать силу только в тех случаях, когда другие средства являются неэффективными или не дают каких-либо надежд на достижение намеченного результата (2). Жестокое, бесчеловечное и унижающее человеческое достоинство обращение запрещено международным правом при любых обстоятельствах (3).

Беспорядки в Таллине и других городах Эстонии позволили высветить остающиеся проблемы, касающиеся интеграции русскоязычного меньшинства, которое составляет примерно треть из 1,4-миллионного населения страны. Несмотря на важные законодательные реформы в первые годы независимости, это меньшинство по-прежнему официально в качестве языкового меньшинства не признано и продолжает испытывать дискриминацию

и исключение из повседневной жизни, что вызывает у его представителей чувство глубокого разочарования и возмущения. У многих русскоязычных по-прежнему отсутствует гражданство Эстонии, происходит постепенное сокращение преподавания на русском языке, а строгие языковые требования ограничивают доступ русскоязычных на рынок труда.

Дополнительная информация:

Aaron Rhodes,
INF Executive Director, +43-676-63566 12
Henriette Schroeder,
INF Press Officer, +43-676-72548 29

Примечания: (1) Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятый Генеральной Ассамблеей ООН в 1979 году, статья 3 (<http://www.ohchr.org/english/law/codeofconduct.htm>); (2) Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка (ООН, 1990), статья 4 (<http://www.ohchr.org/english/law/firearms.htm>); (3) Международный пакт о гражданских и политических правах, статья 7; Европейская конвенция о правах человека, статья 3.

Английский оригинал заявления: <http://www.ihf-hr.org>

Международная хельсинкская федерация по правам человека (ИHF) является международной неправительственной организацией, созданной национальными хельсинкскими комитетами и организациями-партнерами из стран-участниц ОБСЕ (в настоящий момент 46 организаций-членов). Задачей ИHF является защита и укрепление позиций групп гражданского общества, которые осуществляют независимый мониторинг прав человека, и их объединение на общей международной платформе.

2. Европейская сеть организаций против расизма
(European Network Against Racism – ENAR)

ENAR призывает правительство Эстонии учитывать влияние недавних событий на отношения между общинами

Брюссель, 4 мая 2007 г.

На прошлой неделе после решения эстонского правительства перенести советский военный памятник в Таллине (Эстония) имели место демонстрации, которые в конце недели вылились в связанные с насилием уличные протесты в некоторых городах.

ENAR выражает большое беспокойство, что изначально мирные демонстрации переросли в массовые беспорядки, и подчеркивает, что акты вандализма ничем не могут быть оправданы. ENAR также выражает поддержку Центру информации по правам человека, главе национального координационного центра ENAR в Эстонии, в их призыве прекратить эскалацию насилия и разжигание межнациональной розни. Они также призывают эстонское правительство избегать действий, которые представители меньшинств могут расценить как провокацию, унижающую человеческое достоинство, а также предот-

вращать и наказывать случаи национально мотивированной агрессии со стороны сотрудников полиции.

Данная ситуация высвечивает отсутствие диалога между большинством и русским меньшинством в Эстонии. Важно, чтобы в демократическом обществе терпимо относились к различным мнениям, в том числе и в контексте отношений большинства и меньшинства. Эстонское правительство должно принять во внимание разные аспекты влияния этих событий на отношения между общинами и ответить на кризис способом, который будет поощрять диалог и равное обращение.

ENAR призывает Эстонию инициировать национальный план по борьбе с расизмом в целях создания общества, где лучшим образом гарантированы равные возможности для всех жителей. Разносторонняя и долговременная стратегия по борьбе с расизмом позволит правительству систематически работать ради достижения равенства для всех, а также развивать международное сотрудничество с иностранными государствами.

Европейская сеть организаций против расизма (ENAR) является сетью европейских НПО, которые борются с расизмом во всех странах Евросоюза. ENAR представляет более 600 НПО по всему Евросоюзу. Создание ENAR стало главным итогом Европейского года против расизма (1997). Целью ENAR является борьба с расизмом, ксенофобией, антисемитизмом и исламофобией, содействие равному обращению граждан Евросоюза и третьих стран, а также увязывание местных/региональных/национальных инициатив с общеевропейскими инициативами.

Дополнительная информация:

Georgina Siklossy, Communication and Press Officer
43 rue de la Charité
B-1210 Bruxelles
Phone: 32-2-229.35.70 – Fax: 32-2-229.35.75
E-mail: georgina@enar-eu.org

Английский оригинал заявления: <http://www.enar-eu.org>

**3. Международная федерация по правам человека
(International Federation for Human Rights – FIDH)**

**Эстония должна расследовать нарушения прав человека,
совершенные во время беспорядков в Таллине**

9 мая 2007 г.

Международная федерация по правам человека (FIDH) и ее членская организация из Латвии – Латвийский комитет по правам человека (LCHR) – выражают озабоченность в связи с нарушениями прав человека, которые были совершены как демонстрантами, так и полицией во время беспорядков в Эстонии, в ходе которых погиб один человек и более 150 были ранены.

26 апреля в Таллине (Эстония) имели место столкновения между демонстрантами (в основном представителями русскоязычного меньшинства) и полицией, которая ис-

пользовала слезоточивый газ, световые бомбы, водяные пушки и т. п. Демонстранты протестовали против неоднозначно воспринимаемого перемещения мемориала Советской Армии, касающегося Второй мировой войны. После переноса монумента на окраинное военное кладбище 26-27 апреля город Таллин накрыла волна вандализма.

По сообщению свидетелей, в некоторых случаях полиция непропорционально использовала силу не только против участников беспорядков, но также мирных демонстрантов и даже прохожих. Сообщается, что некоторых людей били дубинками, после ареста их избивали и с ними плохо обращались в местах временного содержания, организованных в терминале Таллинского порта.

27 апреля Полиция безопасности арестовала нескольких лидеров «Ночного дозора» (организации, которая мирными способами противостояла переносу монумента). Был арестован и 18-летний активист антирасистского движения Марк Сирык, который из-за болезни и подготовки к школьному экзамену не участвовал даже в мирной демонстрации 26 апреля. После этого посольство Эстонии в Москве было осаждено российскими демонстрантами и дипломатические отношения между двумя странами переживают глубокий кризис.

FIDH и LHRC порицают акты вандализма, совершенные демонстрантами в Таллине, а также блокаду посольства Эстонии в Москве.

FIDH и LHRC призывают эстонские власти беспристрастно расследовать все случаи нарушения прав человека, имевшие место во время беспорядков, а также случаи жестокости полиции, излишнего применения силы, жестокого, бесчеловечного и унижающего человеческого достоинства обращения. FIDH и LHRC напоминают, что необходимо полностью обеспечивать право на справедливый суд. Они также призывают эстонские власти положить конец любой дискриминации русскоязычного меньшинства, составляющего примерно 30% населения Эстонии, и при любых обстоятельствах соблюдать положения Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации. В целом, FIDH и LHRC призывают власти Эстонии и России избегать каких-либо действий, которые могут перерасти в насилие.

Дополнительная информация:

FIDH
17, passage de la main d'or
75011 Paris
France
+ 33 1 43 55 18 80

Английский оригинал заявления: <http://www.fidh.org>

Международная федерация по правам человека (FIDH) объединяет 155 правозащитных организаций по всему миру (включая 40 европейских организаций). Деятельность FIDH направлена на предотвращение случаев нарушения прав человека, помощь жертвам такого обращения и наказание лиц, виновных в таких нарушениях.

МАТЕРИАЛЫ СЕМИНАРА

ОТ АПРЕЛЯ К АПРЕЛЮ. В КАКОЙ ЭСТОНИИ МЫ ЖИВЕМ?

21 апреля 2008 г., Таллин

*Семинар организован Центром информации по правам человека
и Палатой представителей национальных меньшинств в Эстонии*

Вступительное слово

*Рафик Григорян, председатель Палаты представителей
национальных меньшинств в Эстонии*

Уважаемые участники семинара!

На этой неделе исполняется годовщина «апрельских событий», которые всколыхнули все наше общество и негативно отразились на судьбах многих людей. Многие задаются вопросами:

- Почему произошел конфликт?
- Кому это было нужно?
- Каковы реальные последствия этого конфликта?
- Как все это сказалось на экономическом, политическом, социальном и духовном состоянии общества и отдельных людей?
- Почему до сих пор властями не проведено подробного анализа этих событий?
- Это был протест части неэстонской молодежи против национальной политики, проводимой правительством Эстонии, или попытка государственного переворота?
- Кто спровоцировал конфликт: власть, неэстонцы или иностранное государство? Вопросов много, а ответов нет, или они очень разные у различных слоев общества.

Говоря о причинах апрельского кризиса, эстонские социологи в августе 2007 г. отмечали поддержку населением следующих объяснений его причин:

- недостаточная информированность русскоязычного населения;
- неэстонская часть населения пала жертвой российской пропаганды;
- действовали провокаторы.

Такое видение ситуации является наивным, несерьезным и необедительным.

Еще более эмоционально, по следам горячих событий, высказались руководители государства, назвав апрельский конфликт «попыткой государственного переворота», «покушением на независимость Эстонии» и т. д. Некоторые даже сравнивали апрель 2007 г. с 1924 г. Все это не отражает реальной картины жизни общества.

Основные причины апрельского кризиса также ищут за пределами Эстонии, а не внутри нее. Это опасная и близорукая политика. Болезнь можно на время загнать вглубь, но не вылечить, это не спасет общество от рецидива.

Сегодня мы собрались на первом совместном семинаре, организованном Палатой национальных меньшинств Эстонии и Центром информации по правам человека, чтобы попытаться найти ответы на вопросы, на которые до сих пор не получено четкого ответа.

Наш семинар называется: «От апреля к апрелю. В какой Эстонии мы живем?» Нам надо понять именно это: в какой Эстонии мы живем? Какие извлечены уроки из апрельского кризиса?

Ведь любой конфликт – это еще и сигнал, показатель того, что у нас что-то где-то не в порядке. Важно увидеть и начать искать пути решения конфликта, а не запугивать народ и играть мускулами.

Один семинар, конечно, не сможет дать ответа на все вопросы, но мы хотя бы немного приблизимся к объяснению истинных причин конфликта. Надо изучать и выявлять подлинные его причины, чтобы прогнозировать будущее, чтобы в нашем обществе были мир и спокойствие.

Черновик «обвинительного заключения»

*Сергей Середенко,
руководитель проекта «Русский омбудсмен»*

Это – не исследование, не отчет о проделанной работе и не поток сознания. Мне очень хотелось выступить в жанре «обвинительного заключения» по несуществующим статьям «провокация национального и идеологического меньшинства» и «преступление против национального и идеологического меньшинства», ну да мало ли чего хочется. С обвинительным заключением еще та беда, что сильно хромает состав преступления – например, во многом непонятны мотивы действий премьера Ансипа и его «силового блока». Поэтому данный текст скорее черновик «обвинительного заключения».

Ценности

Драма «Бронзового солдата» (БС) очень плотно увязана с понятием «ценностей». БС десятилетиями был коллективной ценностью сам по себе и олицетворением одной из бывших фундаментальных общеевропейских ценностей – победы над фашизмом.

Еще до конфликта мной неоднократно высказывалось утверждение о том, что в Эстонии коллективные ценности беззащитны – закон охраняет только личные ценности. Конфликт вокруг БС только подтвердил этот вывод.

В ходе конфликта очень остро встал вопрос о том – чей БС? При этом сторона конфликта, которую очень условно можно обозначить как «русские», притязала исключительно на пользование памятником, хотя, как вариант, в ходе конфликта поднимался и вопрос выкупа земли под памятником.

Попытки владения, т. е. осуществления физической власти над вещью, приводили к конфликтам. Так, в мае 2006 г. в Раквере были оштрафованы ветераны, взявшиеся подкрасить памятник героям ВОВ, т. е. власть выступила категорически против владения памятниками. Валерию Иванову из Тарту это, однако, пока удастся. Разрешив пикник националистов у БС, полиция тем самым нарушила исключительные права пользования БС «русскими».

Конфликт вокруг БС высветил и еще одну проблему – а чьи вообще в Эстонии могилы? Приняв Закон об охране военных захоронений, парламент объявил военные захоронения либо государственной собственностью, либо установил в их отношении публично-правовые повинности (обязанность собственника недвижимости обеспечить проход и доступ к военному захоронению, уход за ним и т. п.). Выяснилось, что в Эстонии нет закона о кладбищах, который позволял бы рассматривать Закон об охране военных захоронений (ЗоОВЗ) как частный случай общей регуляции захоронений.

Конфликты вокруг коллективных ценностей стали в последнее время типовыми: достаточно вспомнить дело о закрытии тартуской Пушкинской гимназии. Формально школа принадлежала городу, но каждый выпускник, проходя мимо, мог с гордостью сказать: это моя школа! Конфликт создал ситуацию, в которой понятия «мой-моя-моё» оказались обесцененными.

Отдельной ценностью, о которой до сих пор не было принято говорить, были рудименты «русского права» в Эстонии. Согласно ст. 2 Закона об общей части Гражданского кодекса источниками права являются закон и обычай. Возникновение обычая дефинируется законом через его долгосрочное применение причастными к обычаю лицами, которые считают его действие для себя обязательным. О юридической силе обычая говорится только то, что обычай не может изменить закон.

Пользование БС 9 мая и 22 сентября каждого года было доказательным обычаем, которого десятилетиями придерживались все стороны в эстонском обществе. Потом правительство Ансипа решило выйти из этого общественного договора, ставшего несомненным обычаем, но, чтобы «пересилить» его, понадобился соответствующий закон, коих было предложено целых два.

Здесь следует подчеркнуть, что указанный обычай был обычаем «высокого качества» (ср. с пользованием Русским театром или Русским музеем), а в последние годы стал приобретать и дополнительные характеристики: воздание почестей БС стало публичным выражением протестных настроений, т. е. значение обычая стало расти как вширь (увеличивалось число участников), так и вглубь (появились новые смыслы).

Одним из аргументов противников «русских» является вопрос о том, почему мы упорно называем «перенос» памятника «сносом». На этот вопрос до сих пор не было разумительного ответа: мой ответ таков, что да, памятник был перенесен, но обычай пользоваться им в памятные для «коллектива русских» даты уничтожен (сносен), а для появления нового обычая требуются десятилетия. Отсюда «безвозвратность», присущая «сносу», а не «переносу».

Заканчивая тему ценностей, можно подытожить, что все многочисленные говорильни последнего года показали, что у «русских» и «эстонцев» нет общих коллективных ценностей вообще. При этом «эстонские» коллективные ценности через соответствующие законы стали общегосударственными, т. е. обязательными для всех, а «русские» ценности оказались столь же последовательно проигнорированы.

Антагонизм «русских» и «эстонских» ценностей был выражен мною в виде вопроса: чем мы можем позволить гордиться эстонцам без ущерба для себя? Ничего, кроме празднуемой в Эстонии в качестве государственного праздника годовщины победы под Вынну, в голову не приходит. Эстонцы же не собираются позволить русским гордиться даже Гагариным.

Законность переноса

При анализе законности переноса БС прежде всего следует отметить совершенно новую тенденцию – принятие закона под конкретную акцию. В этом смысле ЗоОВЗ стал не регулятором общественных отношений, а в классическом виде отражением воли правящего класса. Перенос БС стал не следствием развития общественных отношений, а причиной для принятия соответствующих правовых актов.

Поэтому при анализе законности переноса следует понимать логику законодателя: парламент искал внешне пристойный повод для того, чтобы снести БС. И постоянно занимался при этом самооправданием в свойственном эстонской пропаганде стиле.

Таким поводом, как известно, формально стал дополнительный протокол к Женевской Конвенции, ратифицированной Эстонией 16 лет назад. Так как Эстония присоединилась к Женевской Конвенции 24 августа 1992 г., то обязанность по охране военных захоронений, которую при этом взяла на себя Эстония, на протяжении 14 лет оставалась неисполненной. Уже данное обстоятельство говорит об отношении Эстонии к принятым на себя международным обязательствам, о которых еще пойдет речь.

Согласно пояснительной записке к проекту ЗоОВЗ, в парламенте 9-го созыва уже был на рассмотрении проект закона о военных захоронениях – далее его судьба никак не комментировалась. Тот законопроект, очевидно, лег в основу нового, т. к. новый отличается от старого как раз теми спорными моментами, о которых идет речь, – «детальным регулированием вопроса о военных захоронениях, которые находятся в неподобающих местах, и поэтому следовало бы перезахоронить на кладбище находящиеся в них останки».

При этом сам протокол Женевской Конвенции вообще не регулирует перенос военных захоронений, но упоминает о его возможности в связи с эксгумацией. Согласно ч. 4 ст. 34 (I) протокола «разрешается производить эксгумацию только:

а) в соответствии с пунктами 2 с) и 3; или б) когда эксгумация вызвана высшей общественной необходимостью, включая случаи, вызываемые медицинской необходимостью, и необходимостью проведения расследования; в этом случае Высокая Договаривающаяся Сторона всегда с уважением относится к останкам и уведомляет страну, являющуюся родиной умерших, о своем намерении провести эксгумацию, а также сообщает ей подробности о предполагаемом месте перезахоронения».

Из чего следует, что в общем случае устанавливается полный запрет на эксгумацию останков из военного захоронения.

Однако из преамбулы ЗоОВЗ читаем, что **«беря за основу статью 34 (I) дополнительного протокола от 8 июня 1977 г. к Женевской Конвенции от 12 августа 1949 г. о защите жертв международных вооруженных конфликтов, согласно которой эстонское государство обязано обеспечить уважение к останкам и местам захоронений лиц, умерших в результате военных действий на территории Эстонии, обозначение этих мест, и, согласно которому Эстонское государство уполномочено перезахоранивать останки, исходя из общественных интересов, Рийгикогу принимает настоящий закон»**.

Налицо сразу две подмены: протокол устанавливает общий запрет на эксгумацию, а не «управомачивает» Эстонию «перезахоранивать останки», а эксгумацию допускает только в случае «высшей общественной необходимости», а не «общественных интересов». Исследуя «высшую общественную необходимость», Государственный суд Эстонии в 1994 г. определил, что этому понятию обязательно сопутствует угроза: из протокола видно, что таковыми угрозами являются опасность эпидемии (медицинская необходимость) и угроза общественной безопасности (необходимость расследования). Очевидно, что ни той, ни другой, и никакой третьей угрозы захоронение при БС не представляло.

Для самого переноса определялось сразу два уполномоченных органа: министр обороны по представительству Комиссии по военным захоронениям и Правительство. Круг оснований, по которым мог быть совершен перенос, у каждого органа был свой. Комиссия по военным захоронениям, созданная сразу после вступления ЗоОВЗ в силу, тут же определила, что БС стоит в «ненадлежащем месте». При этом ни бывший министр обороны Юрген Лиги, ни свеженазначенный Яак Аавиксоо рекомендациями Комиссии так и не воспользовались, как известно, памятник был перенесен на основании распоряжения Правительства.

Следует оговориться, что параллельно ЗоОВЗ был «запущен» проект Закона о сносе запрещенных сооружений, который лично под себя создал министр юстиции Рейн Ланг. Этот проект был нами вовремя определен как «жертвенный», создающий иллюзию компромисса: «эстонцы» отказываются от одиозного закона в обмен на согласие в обществе по поводу переноса БС на основании «соответствующего международному праву» ЗоОВЗ. Так впоследствии и случилось: президент Ильвес отказался провозглашать его и вернул в парламент, в котором он сейчас пребывает в совершенно невразумительном статусе: и отозвать его как бы нельзя, и принять невозможно.

Принятое «на основании» ЗоОВЗ в ночь с 26 на 27 апреля 2007 г. распоряжение №229 Правительства «О перезахоронении останков и переносе надгробного памятника», несомненно, войдет в историю. Согласно Закону о Правительстве Республики, особенность распоряжений правительства заключается в том, что они вступают в силу с момента подписания премьер-министром и государственным секретарем. Однако известно, что ни-какого заседания правительства в указанную ночь не было и решение принималось путем обзвона министров. Вопрос: был ли вообще текст распоряжения и был ли он подписан?

Само распоряжение появилось в *Riigi Teataja Lisa* только 4 мая 2007 г. Так как его мало кто видел, то остановлюсь на нем чуть подробнее. Распоряжение издано на основании «части 2 ст. 8 ЗоОВЗ, исходя из соображений безопасности, и с учетом ч. 1 ст. 8 того же закона, по которому военное захоронение находится в неподобающем месте».

Ч. 1 ст. 8 ЗоОВЗ определяет компетенцию министра обороны, ч. 2 – компетенцию Правительства. Очевидно, что ссылаясь на часть 1, Правительство вышло за рамки своей компетенции. Часть 2 определяет, что «решение о перезахоронении содержащихся в военном захоронении останков принимает Правительство Республики в случае, если захоронение не находится в неподобающем в понимании части 1 настоящей статьи месте, но перезахоронение по иной причине совершается в публичных интересах. Публичный интерес может возникнуть прежде всего в связи со строительством или расширением общественных сооружений в непосредственной близости от военного захоронения, угрозой для военного захоронения, обусловленной природными явлениями, соображениями здравоохранения и соображениями безопасности, а также с появлением иных обстоятельств, исходя из которых перезахоронение находящихся в военном захоронении останков, а также перенос над-

гробного памятника или обозначения является неизбежно необходимым. Совместно с решением о перезахоронении останков Правительство Республики определяет новое место захоронения и решает вопросы, связанные с переносом, изменением, демонтажом и сохранением надгробного памятника или обозначения, а также вопросы, связанные с сооружением нового надгробного памятника или обозначения».

Сам текст распоряжения состоит из трех пунктов:

- «1. Перезахоронить находящиеся в недвижимости по адресу Каарли, 13, Таллин останки жертв войны на Военное кладбище по адресу Филтритсе, 14, Таллин.
2. Немедленно перенести находящийся по адресу Каарли, 13, Таллин надгробный памятник и установить в указанном в п. 1 месте захоронения.
3. Поручить министру обороны руководство перезахоронением останков и переносом надгробного памятника».

Как видно из распоряжения, никакого упоминания об эксгумации и необходимости идентификации в нем нет – это потом был затеян возня с ДНК и т. п. В распоряжении четко указано – перезахоронить и перенести немедленно.

Таким образом, сначала парламент принял противоречащий Женевской Конвенции закон, а потом уже правительство умудрилось даже этот закон нарушить.

Вывод: перезахоронение и перенос надгробного памятника были совершены незаконно и в нарушение международного права.

Попытки остановить произвол

В данной главе исследуются исключительно правовые действия. Таковых было пять:

- Обращение Круглого стола русских общественных движений к парламентским комиссиям с меморандумом, в котором было требование изъять законопроекты из парламентского производства;
- Обращение к Президенту с меморандумом о непровозглашении ЗоОВЗ;
- Обращение города Таллина в Государственный суд с требованием признать ЗоОВЗ неконституционным;
- Обращение Эсмиральды Меньшиковой в Таллинский административный суд против Министерства обороны с требованием об «обозначении захоронения»;
- Обращение в Таллинский административный суд ветеранских организаций.

Итог данной деятельности был следующим:

- парламентские комиссии в нарушение Закона об ответах на меморандумы и ходатайства о разъяснении не дали содержательного ответа. Последующая переписка с ними и пикетирование парламента также ничего не дали;
- подготовленный меморандум Президенту так и не был отправлен: Президент провозгласил закон на следующее утро после его принятия (беспрецедентная поспешность!), когда подготовленный за ночь меморандум было уже бессмысленно посылать;

- жалоба Э. Меньшиковой не была принята к рассмотрению. Судья Леа Куузе абсолютно цинично оставила жалобу без рассмотрения на том основании, что непонятно, какие права дочери капитана Сысоева нарушены тем, что могила ее отца будет разрыта. При этом очень характерной была циничная фраза министра обороны Яака Аавиксоо о том, что «никакие иски никаких родственников нас не остановят»;
- о жалобе ветеранских организаций мне известно только, что она также не была принята к рассмотрению. Между тем я встречался с руководством Клуба ветеранов флота как раз по поводу подачи жалобы от них, потому как обычай возлагать венки к БС 9 мая и 22 сентября принадлежит прежде всего ветеранам, и теоретически можно было добиться рассмотрения жалобы. Однако впоследствии остановился на варианте «родственник»: результат известен.

Обращение города Таллина к Коллегии по конституционному надзору Государственного суда стоит в этом перечне особняком. Таллинское городское собрание приняло решение об обращении в суд 27 февраля 2007 г., а решение было вынесено 8 июня. Так как об этом решении тоже мало что известно, то о нем чуть подробнее.

Таллин обжаловал конституционность ЗоОВЗ исходя из того, что нарушены конституционные гарантии местного самоуправления, а именно право давать или не давать разрешение на строительство. Как известно, в ЗоОВЗ отдельно подчеркивается, что все связанные с военными захоронениями и надгробными памятниками работы проводятся без разрешения на строительство. Решение Государственного суда стало как отражением царящего в Эстонии правового нигилизма, так и политического противостояния между центристами и реформистами, так как Таллином на момент подачи ходатайства командовали центристы, а Государственным судом руководит политический назначенец Март Раск, до этого назначения ни единого дня не работавший судьей, зато бывший министром юстиции и одним из реформистских лидеров в парламенте. Кстати, новый канцлер юстиции Индрек Тедер является его бывшим партнером по бизнесу, хотя и не имеет столь яркого политического прошлого.

Для начала Государственный суд освятил своим решением ложь о том, что «у государства есть право, исходя из общественных интересов, эксгумировать останки и перезахоранивать их». Уже задним числом оправдывая перенос памятника, Государственный суд решил, что «неизбежно необходимое перезахоронение останков и перенос надгробного памятника в общественных интересах является исходящей из международного права задачей государства, исполнение которой не может зависеть от воли местного самоуправления выдавать или не выдавать разрешение на строительство». При этом коллегия добавила, что в данном случае мы «имеем дело с ценностями и принципами, исходящими из международного права и защищенными Конституцией».

«Бронзовая ночь»

Беглые замечания о «бронзовой ночи» носят исключительно правовой и логический характер.

- Версия о правительственно-полицейской провокации подтверждается обратным ходом событий, в котором сначала была найдена фирма, «ответственная» за демонтаж и перенос БС, натянут тент и установлено ограждение, «зарезервирован»

«Д-терминал» Таллинского порта, стянуты полицейские силы, проведена зачистка территории вокруг БС, фактически изолировано российское посольство (в газетах были опубликованы фотографии сотрудников посольства В. Васильева и С. Оверченко как «подозреваемых в деятельности, несовместимой со званием дипломата») и т. п., и лишь потом было принято «соответствующее» распоряжение правительства. Позже стало известно, что секретная полицейская операция началась в 21.00 23 апреля и закончилась в 14.00 11 мая 2007 г.

Из заслуживающих доверия источников известно, что зимой в Тартуской тюрьме шла вербовка уголовников, ставших впоследствии «активом» погромщиков. Это сообщение косвенно подтверждается тем, что у «организаторов» «бронзовой ночи» во время следствия не было ни одной очной ставки с «исполнителями-погромщиками», а к судебным процессам над «исполнителями» внимание прессы не привлекалось. Еще больше свидетельств было собрано Комитетом 9 Мая: люди рассказывали, как полицейские сидели в автобусах в то время, когда на другой стороне улицы громили магазины. То есть первоначально план представлялся таким: полиция ожидала, когда у БС соберется достаточная толпа, потом – погромы и вытеснение толпы в сторону погромов с тем, чтобы защитников памятника хватать уже как погромщиков.

- Характерно, что правительство так и не объявило чрезвычайного положения, хотя ограничения основных прав и свобод носили системный характер – достаточно вспомнить общий запрет на общественные мероприятия в Таллине и Хартюмаа. Также до сих пор не дано юридической оценки «бронзовой ночи»: премьер Ансип говорит только о мятеже, министр народонаселения Урве Пало – о беспорядках и т. д. Данный вопрос имеет практическое значение: «внутренние беспорядки» относятся к обстоятельствам форс-мажора и освобождают от ответственности страховые фирмы в целом ряде случаев. Тот факт, что правительство через Министерство финансов взяло на себя покрытие ущерба от последствий «бронзовой ночи», прямо указывает на виновного, т. е. на само правительство. И наоборот: ни одна фирма не заявила о себе как о потерпевшей и не вчинила гражданский иск «организаторам»: Кленскому, Линтеру, Сирьку и Реве.
- Правительство и полиция сознательно поддерживали информационный вакуум вокруг задержанных: не было организовано ни «горячей линии», ни обычной информации о задержанных. Вместо этого была организована государственная кампания доносительства на сайте tuvasta.
- Не было организовано никакого расследования событий «бронзовой ночи», несмотря на предъявленные иски, обращения в прокуратуру и к Канцлеру права, требование Комитета 9 Мая создать международную следственную комиссию. Вместо этого было сразу заявлено, что «полиция действовала безукоризненно». Подобное демонстративное пренебрежение к тому, что произошло, свидетельствует только о том, что правительство и полиция знали, что произошло.

Следствие и последствия

Расследование причин и последствий «бронзовой ночи» проходило в трех направлениях: обработка свидетельских показаний и информации из СМИ, судебные процессы, в ходе которых было извлечено на свет Божий немало «экслюзива», и анализ.

Тем не менее никакой любительский «сыск» не в состоянии заменить работу нормальной следственной бригады, обладающей необходимыми полномочиями. Отсюда несистемность предлагаемых заключений.

Преследование. Тенденция к преследованию проявилась сразу после возникновения общественного движения «Ночной Дозор», однако в последнее время приобрела новые черты. Помимо «традиционных» наружного наблюдения, прослушивания телефонов, сканирования интернет-сообщений и т. п., что можно определить как пассивное преследование, появились и активные формы преследования. Это фабрикация административных правонарушений, следственные «инверсии» (когда пострадавший правозащитник обращается за помощью в полицию и из потерпевшего становится обвиняемым), сбор и слив через СМИ компрометирующей информации, провокации «на камеру», увольнения с работы и т. п. Новым явлением стало наказание за бездействие, обычно применяемое к должностным лицам (яркий пример – «неисполнение законных распоряжений полиции»). Подобный подход сделал «правонарушителями» совершенно неопределенное число лиц: согласно оценке, данной полицией, все лица, принимавшие участие в этой деятельности (выражавшие свое мнение у БС 26 апреля), совершили правонарушения, предусмотренные ст. 262, 263, 274-276 Уложения о наказаниях.

«Отключение» судебной, следственной и надзорной системы. Обращение за защитой своих прав и интересов в указанные органы стало не просто бессмысленным, но и опасным. Прокуратура возбудила только 8 дел в связи с правонарушениями и преступлениями полиции. Дело доходило до полного гротеска: обращение в прокуратуру Л. Нещадимовой, на которую утром 26 апреля 2007 г. накинута 14 (!) полицейских спецназовцев, было оправдано прокуратурой тем, что вечером того же дня в Таллине были беспорядки... Из всех судебных дел по существу было рассмотрено только ходатайство города Таллина. Можно смело констатировать полную блокаду любых инициатив по установлению и определению законности.

Опасные инициативы. МВД ринулось в образовавшуюся брешь и стало сразу активно лоббировать «пакет законов бронзовой ночи», приобретая водомет и наращивая численность. Однако гораздо большую опасность представляет проект Закона об охране порядка.

Что это было?

Однозначного ответа на этот вопрос нет. Склоняюсь к тому, что это были испытания модели установочного общества, в котором власть никаким образом не зависит от общественного мнения. Режим особого назначения.

Межнациональный диалог в Эстонии: возможность продолжения

*Евгений Голиков, доктор философии,
Эстоно-американская бизнес-академия*

Никогда не говори никогда: стараюсь руководствоваться этой истиной, ведь не следует оставлять попыток изменить ситуацию к лучшему, даже если кажется, что никаких шансов не осталось. Само стремление к изменению может дать нам шанс.

Почти год назад попытки наладить межнациональный диалог в Эстонии закончились «праздником бронзовой ночи», когда дубинки в руках одной части общества пытались объяснить что-то «интегрирующее» спинам другой его части. Для меня опыты выстраивания диалога между эстонцами и русскими берут начало с Пленума творческих союзов Эстонии 1-2 апреля 1988 г. Тогда мы все были еще очень далеки от «интеграции дубинками», так что опыт 20-летней давности оставляет надежду на то, что рано или поздно мы научимся замечать и слышать друг друга.

«Честность – лучшая политика», – говорил философ Эммануил Кант. Ему же принадлежат слова: «Имей мужество пользоваться собственным умом!» Я понимаю эти слова в том смысле, что поиски разума сближают людей и помогают им понимать друг друга: все разумное имеет шанс стать достоянием любого человека и народа, так что взаимодействие культур и их взаимообогащение – важнейший *modus vivendi* каждой культуры, в то время как некоммуникабельность и изолированность ведут к их вырождению и деградации.

Два года назад мне представилась возможность высказаться по поводу итогов разработки второй государственной программы интеграции. Эти итоги показались мне малоутешительными, а будущее интеграционного проекта лишенным перспективы прежде всего потому, что эстонское государство, значительная часть эстонской политической и духовной элиты продолжают видеть в этнически и культурно гомогенном обществе гарантию сохранения эстонского этноса в качестве исторического субъекта. Подобная установка превращает все интеграционные начинания в заведомо обреченное на неудачу дело: об интеграции невозможно вести речь, если сводить ее к одностороннему процессу «приобщения» одной части общества к социальным правилам другой. Межэтнический диалог в Эстонии с самого начала оказался затруднен тем, что одна – эстонская – сторона стремилась уйти от обсуждения принципов, стараясь маскировать собственные позиции разговорами о «конкретных мерах».

Возможности межобщинного диалога ослабевают и в связи с тем, что выражающая себя по-русски интеллигенция Эстонии не воспроизводит себя, уменьшается численно и устает морально. Малопродуктивным представляется разговор о диалоге и интеграции, если большая часть русскоговорящих жителей Эстонии находится в стороне от основных проблем эстонского общества, отлучена от деятельности государства и вынуждена преодолевать совсем непростые, причем далеко не только лингвистические, барьеры.

Но не только наличием подобных барьеров объясняется отчужденность неэстонской части общества. Барьеры можно преодолеть, если существует *значимая цель* для их преодоления. Существует ли подобная цель у русских, предложена ли она им эстонской интеллигенцией, обществом, подкреплена ли авторитетом и возможностями государ-

ства? Полагаю, что здесь до сих пор больше открытых вопросов, чем решенных. На мой взгляд, проблема *базовых целей и ценностей остро стоит сегодня и перед эстонским обществом*. Кроме того, как мне представляется, эстонское общество не выработало однозначно четкого представления о том, что значит «интегрировать неэстонцев» и как далеко готово пойти само эстонское общество в этой «интеграции»?

Важнейшая предпосылка возможности интеграции – наличие общей *интеграционной основы*. Существует ли такая основа? Признают ли носители эстонской культуры людей русской культуры как минимум *европейцами*?

Что вообще означает быть европейцем, ведь не секрет, что это и есть наша общая почва, способная объединить общество в единое целое? По справедливому замечанию Пола Хлебникова, журналиста, американца по рождению и русского по духу, трагически погибшего в России, общая почва, на которой выросла Европа, составила из греко-римской цивилизации и христианства: «...судьбу Европы решило [...] то, что она переняла от Древней Греции и Древнего Рима такие уникальные явления, как гражданственность, правосознание и народовластие. [...] На такой политической основе и возвысилась Европа. Не менее важна и нравственная основа европейской цивилизации – христианство. Именно христианство создало почву для процветания личности. Именно христианство отражает то деликатное равновесие между личной свободой и дисциплиной (совестью), творчеством и терпением, усердным трудом и размышлением, самоопределением и самоотверженностью» (Пол Хлебников «Разговор с варваром»).

Хлебников подчеркивает важность *единства* выделенных четырех признаков для европейской культуры и цивилизации. В то же время в нашем обществе и эстонская, и русская его подсистемы, каждая по-своему, испытывают трудности с собственным прошлым, что очень осложняет процесс формирования целостного общества. Для общества *идея целостности, какой-то ее образ должен предшествовать возникновению самого целостного общества*. Но сегодня мы вынуждены констатировать, что в общественном сознании такого объединяющего всех нас представления не существует. Каждая из основных языковых общин – эстонцы и русские – переживают свои специфические трудности, что осложняет становление целостного общества.

Русские, особенно молодежь, испытывают значительные трудности или даже кризис *собственной идентичности*, что объясняется тем, что эстонские русские ощущают себя одновременно отрезанными от своей культурной родины, России, и *отторгнутыми в Эстонии*. Данная проблема осложняется также тем, что *русские и здесь, и в России до конца не разобрались с собственным прошлым*. В чем наши идеалы, ценности, символы веры? Чем гордиться и во что верить: в коммунизм и Сталина, в православие и самодержавие, в российскую духовность и соборность?

Трудности собственного духовного самоопределения эстонских русских усугубляются недоверчивым, а где-то и враждебным отношением к ним эстонцев, которые:

- склонны видеть именно в русском народе виновника собственных трагедий в середине XX века. Можно сказать, что сталинский ГУЛАГ, наша общая судьба и трагедия, до сих пор не объединяет, а разделяет нас, поскольку мы все, прежде всего интеллигенция, не сумели до конца честно разобраться с этой главой нашей истории;
- эстонцы, особенно политическая элита, приписывают русским патологическую склонность к тоталитаризму;

- не видят и, как мне представляется, *зачастую не хотят видеть*, в чем может состоять момент *духовного единства* между нами, нашими народами и нашими культурами, *без чего никакая социальная интеграция нереальна и невозможна*.

Думаю, что прав известный американский социолог Иммануэль Валлерстайн, когда призывает эстонскую интеллигенцию и государство отказаться от политики гомогенизации общества, неизбежно приводящей к его самоизоляции. Боязнь нового прихода с Востока тоталитарного империализма, во многом раздутая, приводит в Эстонии к попыткам отказаться от всего того, что было связано с Советским Союзом, а теперь и с Россией, в том числе и от *космополитического либерализма русской культуры*.

Мне думается, что важной причиной такого непонимания остается то, что эстонский народ также до конца не «переварил» собственное прошлое, не подверг его суду совести, потому-то в своем обыденном сознании привык рассматривать себя прежде всего в качестве *жертвы внешних обстоятельств*, чем, в частности, вызывается и моральное оправдание участия части эстонцев в войне на стороне фашистской Германии. Отсюда противоречивое отношение многих эстонских политиков, да и значительной части общества к проблеме *интеграции*, объективно понимаемой как *отказ неэстонцев от собственной культурной идентичности, а вместе с ней и от роли равного партнера в жизни, экономике и политике*.

Социологические исследования последних лет фиксируют факт *несимметричной толерантности* в отношениях между эстонцами и русскими: русские более готовы стать членами эстонского общества, чем эстонцы, которые не готовы принять их в этом качестве. Как социолог могу утверждать, что за годы восстановленной независимости *социальная дистанция* между общинами не только *возросла*, но достигла такого уровня, что *эстонцы сегодня воспринимаются в Эстонии и воспринимают сами себя как социальную группу с более высоким статусом*. Когда возникают подобные различия, появляется необходимость в *идеологии* для иллюзорного примирения сторон либо для оправдания различия статусов. Но идеологически опосредованный межобщинный диалог *по определению ложен*, потому что люди, озабоченные прежде всего защитой собственных интересов, *не могут видеть истинного положения вещей и не умеют сказать друг другу правды*. Это и наблюдается, по-моему, в нашем обществе, где мы привыкли одно говорить *своим*, другое – *чужим*.

С этой точки зрения кризис «бронзовой ночи» имел значение *момента истины*. Он показал нам наши межобщинные отношения в *их истинном свете*. Он также стал разделительной линией между прошлым, в котором *эстонцы и русские имели нечто общее*, и будущим, в котором они либо это общее *сохранят и приумножат, превратив его в основу новой общности, в которой найдется достойное место всем жителям Эстонии*, либо безнадежно утратят возможность жить вместе.

Увеличение социальной дистанции между эстонцами и неэстонцами, углубление различий и этническая сепаратизация общества – очень плохой признак не только для местных русских, у которых развитие данной тенденции оставляет три выбора: ассимиляция, маргинализация и эмиграция, но и для эстонского народа. *Народ, который сегодня не находит в себе сил для более толерантного отношения к иной культуре и народу, с которым прожил бок о бок более 300 лет, может оказаться неготовым к жизни в мультикультурной Европе. Кроме того, на смену русским в Эстонию неизбежно придут носители иных*

культур, более далеких от эстонской, чем русская, и тогда межобщинные отношения могут принять значительно более жесткий характер. Возможность подобного сценария необходимо обсуждать и к нему готовиться.

Так что вопрос о том, имеется ли между эстонцами и эстонскими русскими *общая почва*, приобретает сегодня особую актуальность. Если эта почва есть, то в чем она и как ее укрепить во имя нашего общего будущего? Если ее нет или она уже безнадежно разрушена, то что нас ожидает, какую цену готово заплатить общество и каждый из нас за эту утрату?

Поиск общих ценностей, без которых не существует *целостного общества*, должен опираться на *нравственную терапию*: максимально честный, свободный и по возможности очищенный от узко прагматических соображений *диалог* всех заинтересованных и готовых к нему членов общества. Очевидно, что честному и открытому диалогу с другими должен предшествовать такой же честный диалог с самим собой, собственной совестью. Конечно, скажут мне, наше общество к нему далеко не готово. Да, это так, наше общество еще незрело, прежде всего граждански. Но если оно не сумеет найти в себе сил для осознания необходимости взаимопонимания и для поиска путей к нему, то оно, скорее всего, никогда не достигнет зрелости.

Сегодня важно не то, говорим ли мы все на эстонском языке, а то, готовы ли мы сказать друг другу правду, честно поделиться своими сомнениями, надеждами, сокровенными чувствами, без чего мы не сможем понять друг друга и никогда не станем друг другу духовно ближе. Если этого не понять и не сделать сегодня, то продолжение имитации интеграции, разбазаривание средств на якобы интеграционные проекты неизбежно приведет к новым трагедиям. Данное положение можно высказать и в форме своего рода **категорического императива**: если хотим сохранить общество, в котором живем, нам необходим диалог между всеми его социально значимыми группами как средство и условие *совместной выработки параметров общего существования*.

Итак, диалог. Но эстонскому обществу, эстонскому государству сегодня вести его практически не с кем. Что собой представляет неэстонское в основном выражающее себя на русском языке население? Отсутствует институциональная база для воспроизводства и поддержания собственной культурной идентичности. Ее старательно пытаются подменить имеющими больше этнографическое, чем жизненное значение песнями и плясками. Истончилась и устала интеллигенция, потерявшая источники существования, статус и представление о собственном общественном предназначении. В подвешенном состоянии находится русская школа, а процесс штамповки вузовских дипломов только при большом чувстве юмора можно назвать системой высшего образования. Главное же – в русскоговорящей среде ощущается дефицит представления об *общих целях*: люди, не принятые эстонским обществом, ушли в себя, в частную жизнь. Борются за существование – таков удел абсолютного большинства. А те, кому в материальной жизни повезло больше, зачастую ведут себя как на пиру во время чумы. Личные интересы довлеют, а в них преобладает, так сказать, физиология. Не случайно, русские реже эстонцев ходят в театр, меньше читают газеты, менее активны в сфере гражданского общества. Все это – признаки *социальной анемии*, при которой человек утрачивает субъектоспособность и нуждается в посторонней помощи.

Данная проблема представляется очень серьезной, тем более что корни ее не только в политике эстонского государства, но и в советской политике, элементы которой унаследовала Эстонская Республика. Может показаться парадоксальным, но в свое время Мо-

скуву устраивала или не волновала параллельность существования национальных общин в Эстонии. Эстония контролировалась *сверху* в плане общей политики, но внутренние дела находились во многом в эстонских руках. Касалось это управленческого корпуса, который на две трети состоял из эстонцев, контроля над системой социо-культурного воспроизводства: образования, науки, культуры и даже обслуживающих интересы республики сфер экономики. В отличие от нынешней ситуации, русские в своем гражданско-правовом статусе были защищены сверху, но практически не имели базы для развития в Эстонии собственной культурной идентичности. Нынешнее жалкое положение русскоговорящей интеллигенции Эстонии во многом было определено советской политикой, в рамках которой даже учителей для русских школ готовили где угодно, но только не в Эстонии. Сегодня стало модным вспоминать выдающегося ученого Юрия Михайловича Лотмана, но практически никто не говорит о том, что Лотман, а также академик Бронштейн, профессора Блюм и Столович были в Эстонии *исключениями, а не правилом. В Эстонии не было системы подготовки и воспроизводства гуманитарной интеллигенции на русском языке.*

Особенностью сегодняшней ситуации, сложившейся после восстановления независимости, явилось то, что вопросы политико-правового статуса русскоговорящего населения и особенности его языковой компетенции оказались выдвинутыми на первый план. Политико-правовой статус неэстонцев – любимая тема российской политики, вторую проблему «педалирует» эстонское государство. На самом деле, обе проблемы хотя и важны, но *вторичны, производны от того, как будет решаться вопрос о существовании русских и русскоговорящих в Эстонии:* в каком качестве и на каких условиях они смогут продолжить здесь свое существование? Этот вопрос и является первичным. Сегодня его решение зависит в *основном и главном* от позиции эстонского государства и эстонского народа, потому что эстонцы в Эстонии сегодня – *властвующее большинство.*

Известно, что все государственные программы интеграции признавали за неэстонцами право на жизнь в Эстонии, но фактически на условиях *ассимиляции*. На это указывает и то обстоятельство, что все до сих пор существовавшие интеграционные программы не предусматривали создание институциональных механизмов, поддерживающих развитие культуры и идентичности на русском языке.

Десять лет политики интеграции дают основание для утверждения о том, что ее основная цель – скорее, латентная, чем явная заключается в ослаблении и разрушении русской культуры и языка в Эстонии как основы идентичности русских, а значит, и базы их отношений с эстонским обществом. Ведь с разрушением основы идентичности разрушается и ее субъект! Возможность для диалога, а значит, и для *интеграции в точном значении этого слова попросту исчезает.* В этом, на мой взгляд, состоит принципиальность настоящего момента: потенциал мультикультурности, представленный в первую очередь русским языком и культурой, в Эстонии пока еще полностью не утрачен, не раздавлен тенденцией к гомогенизации общества. Это означает, что еще имеется шанс как для сохранения русской культуры в Эстонии, так и для повышения *адаптационных возможностей эстонского общества к реалиям мультикультурной европейской цивилизации, частью которой Эстония стремится быть.* Совершенно ясно, что успешно приспособившись к многообразию окружающего мира путем уменьшения разнообразия собственной внутренней организации невозможно. Это нонсенс!

Хочу подчеркнуть, что в данном случае я выступаю не только с позиции защиты культурного разнообразия, гарантированного множеством весомых международно-правовых актов, с которыми наша политика интеграции во многом расходится. Выступая за сохране-

ние и развитие русской культуры на эстонской земле, я исхожу из того, что ее исчезновение может стать серьезной потерей и для эстонской культуры, и для эстонского народа.

Давая возможность погаснуть очагу русской культуры в Эстонии, эстонский народ рискует многое потерять в собственной культуре. Без понимания истории и логики взаимоотношений и взаимовлияния эстонской, русской и немецкой культур на эстонской земле во многом остается непроясненной логика и история становления и развития собственно эстонской культуры. Русские приносили на эстонскую землю не только насилие и несправедливости. Без русского культурного влияния эстонская культура была бы беднее, а освоившись от него, она и *станет беднее*.

Я вижу и другое негативное следствие размежевания и вытеснения из Эстонии русской культуры: ослабление влияния на русских, живущих в Эстонии, и русскую культуру эстонской культуры, что я считаю реальной потерей и для русской культуры в целом, феномен которой состоит в ее открытости культурным влияниям. Диалектичность процесса приобщения к чужой культуре через утрату собственной состоит в том, что с этой утратой происходит *резкое падение культурного уровня как личности, так и общества вообще*. Люди, потерявшие родную культуру, становятся невосприимчивы к чужой. На этот счет не следует обольщаться.

Актуальность сохранения связей с русской культурой, понимание ее, умение говорить на ее языке также и *прагматически* важно для эстонского народа в связи с перспективами и тенденциями развития России. Мне кажется, что в оценке этих перспектив сегодня в Эстонии преобладает не то, что происходит на самом деле, а то, что хотелось бы кому-то видеть. Мне представляется, что Россия имеет потенциал для превращения в благополучное, процветающее и демократическое общество. Именно в такой России должна быть заинтересована Эстония и эстонский народ, для которого всегда приносила большую пользу способность пользоваться огромным информационным и интеллектуальным ресурсом России.

Хочу вернуться к проблеме *субъектности* межэтнического диалога в Эстонии. Социальный потенциал русскоговорящей общины в Эстонии настолько ослабел, что силами одних только русских его уже не восстановить. Сегодня необходимы целенаправленные усилия эстонского государства, которое немало сделало для затухания русской культуры в Эстонии, направленные на восстановление этого потенциала. Смею утверждать, что Эстонии необходимы и интересны не *бывшие* русские, стыдящиеся своей культуры и языка, а выкококультурные и образованные русские, способные поделиться своим культурным достоянием с эстонским народом и именно *потому, что они культурны и образованны*, стремящиеся стать полноценными и полноправными гражданами эстонского государства и членами общества.

Что, на мой взгляд, необходимо предпринять для решения данной задачи? Полагаю, что главное состоит в создании *механизма подготовки говорящей на русском языке (разумеется, при условии перфектного владения эстонским) гуманитарной, в том числе творческой интеллигенции*. Лучший вариант для этого – создание государственного *Русского гуманитарного университета*, который мог бы быть либо частью Тартуского университета, либо подразделением Таллинского университета. В задачу такого университета входила бы подготовка кадров местной русской гуманитарной интеллигенции. Вторая задача – превращение его в реальный центр аккумуляции и распространения русской культуры в Эстонии, узел межкультурной и межэтнической коммуникации. Университет должен быть максимально открыт для диалога и контактов с эстонской культурной интел-

лигенцией – в этом состояла бы одна из важнейших его задач, а также для взаимодействия с русскими и европейскими центрами культуры и образования во имя и во благо развития общеевропейского культурного диалога.

Безусловно, необходим Эстонии *Центр социологического мониторинга неэстонского населения и межэтнических отношений*. К работе в таком центре следовало бы пригласить как эстонских ученых, так и неэстонских, русскоговорящих специалистов. Нужно спешить, чтобы последние из них не разбежались, не покинули Эстонию или не потеряли бы окончательно научную квалификацию.

Создание *Фонда развития русской культуры в Эстонии* и *Музея русской культуры* могло бы стать прекрасным интеграционным проектом, поскольку к его осуществлению можно было бы пригласить специалистов и спонсоров из России и со всего мира и поскольку подобный проект был бы *реальным, осязаемым проявлением толерантности, возвращения русской культуры в пространство европейской цивилизации*.

Наконец, *Центр социальных инноваций и инвестиций* мог бы объединить международные усилия и ресурсы в деле реальной интеграции эстонского общества также и на экономическом уровне.

Выступая с подобными предложениями, я вполне осознаю их полную противоположность проводимой ныне политике, а потому и *утопичность*. Маховик общественного настроения раскрутился в противоположном направлении: то, что мне представляется негативным, многие оценивают как реальные достижения, в том числе политики интеграции. Но все же кажется, и это приходится наблюдать практически ежедневно, что численное уменьшение представителей русской интеллигенции не способствует пока заметному росту количества *интегрированных русских*. Выше уже говорилось, что разрушение одной культуры не ведет к возвышению другой. Отношения здесь более сложные.

Но что может произойти в нашем обществе, если *ничего не изменится и политика интеграции в ее нынешней форме продолжит свое движение?*

Мне представляется, что при таком весьма вероятном сценарии следует *ожидать дальнейшего обострения политической ситуации*. Все это грозит вполне реальным новым политическим *противостоянием по национальному признаку*. Констатирую это с глубоким сожалением, поскольку всегда считал и продолжаю на этом стоять и сегодня, что *обслуживание узконациональных интересов противоречит делу демократического развития общества*. Политика выдавливания русских из Эстонии может дать только гнилые плоды.

Чтобы закрепиться на сугубо патриотических позициях, великих человеческих качеств не требуется. Значительно сложнее, но и нужнее оставаться просто Человеком, когда многие вокруг тебя считают это пережитком. Меня серьезно беспокоит перспектива того, что избыток «воинствующего патриотизма» и дефицит человечности в совокупности могут принести и эстонскому народу, и живущим в Эстонии русским не меньше вреда, чем жизнь под чужой властью.

И последнее. Я благодарен организаторам за возможность рассказать о своей позиции. Но об этих проблемах разговор ведется уже добрых 20 лет, а «караван идет». Сегодня мы живем в качественно ином обществе, чем 20 лет назад, и уже само время поставило физический предел политике *псевдоинтеграции*. Поэтому я хочу призвать в первую очередь политиков немедленно переходить от общих разговоров к *технологии реальных действий*. Что следует делать и в какой последовательности – это тоже многократно обсуждалось. Готов и я высказаться, но это уже тема другого выступления.

Спасибо за внимание!

Печальная годовщина¹

*Алексей Семенов,
директор Центра информации по правам человека*

Приближается печальная годовщина того, что теперь называется «апрельскими событиями», «бронзовой ночью» и т. п. – демонтаж и перенос памятника советским воинам в Таллине и грубый и жестокий разгон протестующей русской молодежи. В России демонтаж (или снос, перенос) памятника по большей части рассматривается как вызов России, российскому государству и его элите. Но это было не единственной целью, и скорее даже не главной. И в новейшей истории Эстонии как государства эта дата, несомненно, станет вехой, некой «точкой бифуркации», поворотным пунктом, когда история делится на «до того» и «после этого». Эти события имели для общества большее значение, чем даже вступление в НАТО или в Европейский Союз. До апреля 2007 г. мы жили в одной стране, а теперь начинаем привыкать жить в другой.

Важно помнить, что до сих пор становление демократических институтов в Эстонской Республике и развитие нациестроительства было относительно мирным, что, разумеется, не значит бесконфликтным. Случались и кризисы, причем по весьма серьезным причинам, однако всегда удавалось избежать массового насилия. Казалось, что в отношениях между государством и обществом, между русскими и эстонцами, между группами меньшинств и властью выработалась определенная культура диалога и компромисса, умение не доводить дело до крайностей и идти на взаимные уступки (хотя бы в самый последний момент). Для обеспечения диалога был создан даже специальный механизм – Круглый стол по делам национальных меньшинств при президенте ЭР, на который эстонские власти регулярно ссылаются в правительственных отчетах для международных институтов. Однако ни премьер Ансип, ни президент Ильвес почему-то таким механизмом не воспользовались (кстати, при нынешнем президенте Круглый стол не собирался ни разу).

Попытки защитников памятника, организации «Ночной Дозор» и даже властей Таллина организовать обсуждение и найти хоть какой-то компромисс ни к чему не привели. Представитель правительства, министр обороны Яак Аавиксоо, принял участие в этом «диалоге» первый и единственный раз 26 апреля 2007 г. – за несколько часов до разгона митинга. Правительство Ансипа проигнорировало и позицию горуправы Таллина, которая даже подала в суд, возражая против переноса памятника, и предупреждения ученых – социологов, политологов и культурологов, – обратившихся к нему с открытым письмом.

Такая «упертость» не могла не броситься в глаза. Например, преподаватель Таллинского университета Тынис Саартс недоуменно вопрошал: «Почему вы отказались от диалога и вели такую политику, будто ехали на танке?» (*Delfi, 1 мая 2007 г.*). А политолог Александр Астров заметил: «Отвечая на вопрос о возможности диалога, Ансип повторил, что диалог был изначально невозможен, поскольку русские не согласились бы на перенос памятника. Что, по сути, означает признание, что сам он даже не может помыслить, и никогда не мог помыслить, возможности того, что и ему пришлось бы изменить свою из-

---

¹ Полная версия вышла на сайте «Столетие.ру» <http://www.stoletie.ru>

начальную позицию. [...] Вот именно потому, что нынешняя власть в принципе не видит разницы между диалогом и приказом, ни о каком диалоге с ней не может быть и речи. Ибо суть этой власти, по крайней мере, в той мере, в какой ее представляет Ансип, – отрицание диалога» (*Delfi*, 16 мая 2007 г.). Некоторые наблюдатели и аналитики, например, социолог Юхан Кивиряхк и философ и политолог Евгений Голиков, идут еще дальше и обвиняют правительство в осуществлении сознательной провокации с целью не предотвратить, а прямо вызвать противоправные действия и тем самым максимально дискредитировать своих оппонентов («Таллинн», № 2-3, 2007 г.; *Delfi*, 30 апреля 2007 г.). И для такой версии есть все основания.

Можно ли было избежать того развития событий, которое случилось? Безусловно, можно, и это даже не требует аргументов. Стало быть, именно такую ситуацию власти ждали и провоцировали. Вопрос лишь в масштабе: может быть, не ожидали такой массовости протеста? Однако официально признано, что полицейская операция в Таллине началась 23 апреля 2007 г.: стягивание в город полицейских сил из провинции и выход спецназа на позиции. А, как учит военная наука, мобилизация и развертывание – это не подготовка к войне, это уже война. И т. н. Д-терминал (т. е. складские помещения в районе Таллинского порта, куда свозили задержанных) явно был арендован заранее. Так что масштабы протеста (и репрессий) скорее даже переоценили – готовились к более массовым беспорядкам.

В связи с такой версией интересно поведение полиции на *второй* день, 27 апреля. Масштаб погромов магазинов, битья стекол и т. п. был несопоставимо меньше, чем в первую ночь – а они продолжают вести себя «запрограммированно»: агрессивно атакуют любую группу людей (говорящих по-русски), устраивают забеги, хватая всех подряд, и так далее. Такое впечатление, что они отрабатывают план по расходованию резиновых дубинок и пластиковых стяжек, а также по наполнению «Д-терминала».

Примечательно, что накануне, как раз тогда, когда некие люди громили витрины и таскали из магазинов всякую мелочь, полиция, напротив, вела себя «странно» пассивно. Это отметили и репортеры, и владельцы магазинов; на это обратили внимание мэр Таллина Эдгар Сависаар и председатель горсобрания Тоомас Витсут. Лишь через некоторое время часть громиль задержали с поличным. И тут оказалось, что треть из них и вовсе эстонцы, заведомо не имеющие отношения к защитникам памятника. Скорее всего, и из остальных двух третей не так уж много было тех, кто митинговал у памятника. Как оказались вместе все эти «случайные» люди в столь поздний час в определенном месте? На этот вопрос может дать ответ только *независимое* расследование – возможно, когда-нибудь оно и состоится. Предварительно можно сформулировать такие версии:

1. Беспорядки либо ожидались, либо были спровоцированы намеренно; стихийный митинг возле сокрытого палаткой памятника, беспорядки с погромами, и поведение полиции слабо коррелируются между собой.
2. Крайне затруднительно сделать вывод, что массовые нарушения прав человека сотрудниками полиции были вызваны экстремальной ситуацией массовых беспорядков. Более правдоподобно выглядит противоположная версия: спровоцированные беспорядки использовались как предлог для полицейского террора, направленного на лиц, принадлежащих к определенной этнической группе, – на русских.

В этой связи можно высказать предположение, что российская сторона (и власти, и общественность) допустили серьезную ошибку, когда сфокусировали внимание на самом памятнике и отношении к нему – факте сноса монумента, памятника павшим

как часть процесса пересмотра итогов Второй мировой войны, оскорбления России и т. п. Такой дискурс по многим причинам не мог встретить эмоционального отклика в Европе и вообще на Западе, а стало быть, и завоевать союзников. Дело и в привычной русофобии, но главное – для европейцев Победа никогда не имела того экзистенциального значения, как для русских людей. Для нынешнего поколения эта война просто часть истории, а о поведении своих народов и правительств многие просто не любят вспоминать. Поэтому поведение молодежи, «Наших» у эстонского посольства в Москве европейцы предпочли воспринимать просто как грубое хулиганство, инспирированное к тому же из Кремля, и привычно встали на защиту «маленькой-но-гордой» молодой демократии.

Гораздо больше шансов найти союзников было бы в том случае, если бы акцент был сделан на реальное поведение этой «демократии». На диктаторски-авторитарный стиль принятия решений, а также на многочисленные намеренные и массовые нарушения прав человека. Правоохранительные органы Эстонии нарушили целый букет правил и принципов международного права. Например, Международный пакт о гражданских и политических правах; Европейскую конвенцию о правах человека; Конвенцию ООН против пыток; Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка; Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению (ООН); Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, принятые на первом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в 1955 г.; и т. д., и т. п.

Правозащитную тему не поздно поднимать и сейчас, год спустя. Дело в том, что уверенные в своей безнаказанности эстонские власти категорически и даже демонстративно отказываются от расследования жалоб потерпевших. По данным Государственной прокуратуры, для выяснения вопроса о превышении власти полицейскими было заведено аж 8 уголовных дел, из которых 6 уже прекращены и 2 остальных, скорее всего, постигнет та же участь. При этом для отказа десяткам жалобщиков использовался стандартный набор заранее подготовленных аргументов, юридически крайне сомнительных (это еще мягко говоря). Тут и презумпция заведомой виновности жалобщика, против которого законно применили силу/спецсредства; уверенность, что, сообщая о причинении телесных повреждений, жалобщик действовал недобросовестно (попросту лгал); обоснованность использования силы со стороны полиции не обсуждалась, и т. д.

Что интересно: когда потерпевшие попытались обратиться в прокуратуру и затем в суд, они получили отказы с использованием точно тех же аргументов и обоснований. *Никаких процессуальных действий не последовало!* А должны бы быть, по логике защиты прав граждан, например, элементарный допрос подателя жалобы, приобщение видеозаписи, затребование и приобщение материалов по задержанию, допросы работников «скорой помощи», госпитализировавших жалобщика, установление и допросы свидетелей задержания, да много чего еще.

В этой связи невозможно не сделать предварительного заключения, что продолжают происходить массовые и, судя по всему, намеренные нарушения основных принципов прав человека (в дополнение к конкретным нарушениям, описанным выше). А именно: отказ в доступе к правосудию, нарушение принципа независимости суда и разделения властей, отсутствие контроля гражданского общества за деятельностью правоохранительных органов. Дела в отношении девяти пострадавших таллинским правозащитникам уже удалось довести до Европейского суда по правам человека в Страсбурге.

Влияние событий апреля 2007 г. на социально-экономическое положение русскоязычного населения Эстонии

Владимир Вайнгорт, доктор экономических наук

Многолетнее исследование реальных и мифологизированных проблем русского этноязыкового сообщества в Эстонии, приводимое автором, стало методической основой для изучения явления и тенденций, возникших в социально-экономическом пространстве после событий, связанных с переносом памятника Воину-освободителю в Таллине весной 2007 г. Основополагающие принципы подхода:

1. Русское этноязыковое множество (термин более точно отражающий суть дела, чем аморфное и не имеющее четких критериев понятие «русскоязычное население») достаточно легко структурируется на ряд подмножеств, социально-экономические интересы которых существенно отличаются и, соответственно, любые события на эти подмножества влияют по-разному.
2. Русское этноязыковое сообщество в целом маргинально по отношению к коренному этноязыковому сообществу, определяющему «мейнстрим» в развитии страны.
3. Реальные проблемы и тенденции в общественном мнении и в политическом пространстве, как правило, затенены, а иногда заменены мифологизированными, при этом политическая мифология частично насаждается сознательно, а частично отражает типичные для постсоветского общественного сознания характеристики.

1. Дифференциация рассматриваемого множества

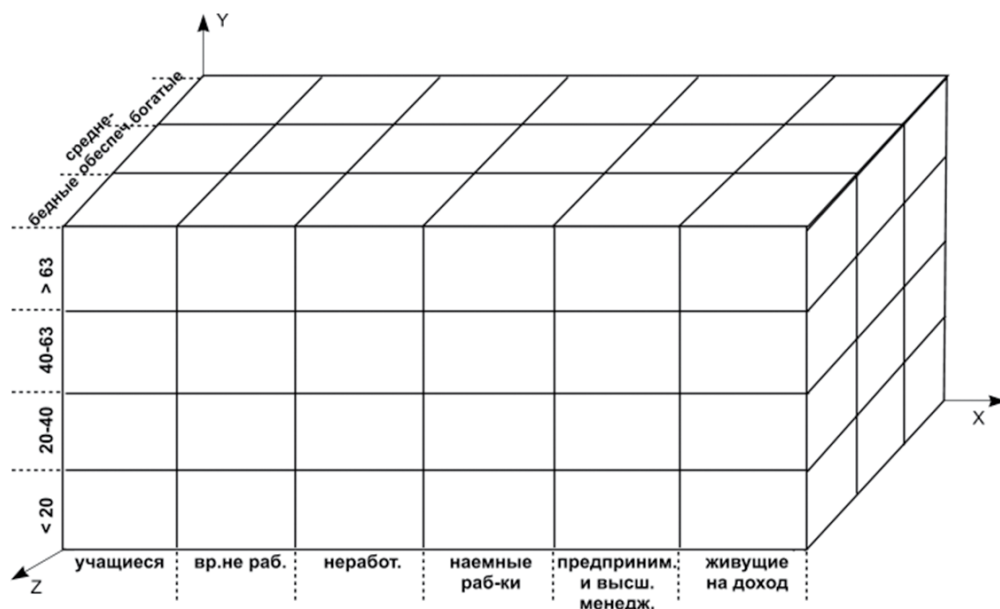
Для целей исследования рассматриваемое множество дифференцировано на ряд подмножеств по следующим признакам:

- **Экономическое положение:** богатые; среднеобеспеченные; бедные.
- **Возраст:** до 20, 20-40, 40-63, более 63 лет.
- **Социальная роль:** учащиеся; временно не работающие; нетрудоспособные; наемные работники; предприниматели и менеджмент; лица, живущие на рентный или финансовый доход.

На основании этих признаков построена трехмерная матрица, показанная при помощи рисунка 1.

Как видно из матрицы, выделено несколько подмножеств, у каждого из которых имеются четкие и только ему свойственные ведущие экономические и социальные интересы.

Рис. 1 Дифференциация множества по интересам

Далеко не каждый «кубик» из матрицы в действительности соответствует определенной группе лиц. Так, например, не может быть бедных предпринимателей, либо богатых наемных работников, учащихся в возрасте более 63 лет и т. п. По целому ряду признаков группы образуют не «кубики», а «бруски», поскольку по какому-либо признаку различия интересов не наблюдается.

По реальному наполнению интересами рассматриваются следующие подмножества:

1. учащиеся до 20 лет бедные;
2. учащиеся до 20 лет среднеобеспеченные;
3. учащиеся до 20 лет богатые;
4. временно не работающие от 40 до 60 лет бедные;
5. неработающие всех возрастов бедные;
6. неработающие всех возрастов среднеобеспеченные;
7. неработающие всех возрастов богатые;
8. наемные работники от 20 до 40 лет среднеобеспеченные;
9. наемные работники от 40 до 63 лет среднеобеспеченные;
10. наемные работники старше 63 лет среднеобеспеченные;
11. предприниматели всех возрастов среднеобеспеченные;
12. предприниматели всех возрастов богатые;
13. лица, живущие на рентные или финансовые доходы, всех возрастов среднеобеспеченные;
14. лица, живущие на рентные или финансовые доходы, всех возрастов богатые.

У каждой из этих 14 групп имеются не только отдельные, но также общие интересы с другими группами, способные на некоторое время сплотить их в единое подмножество по этому ведущему интересу. В то же время возможна и более глубокая дифференциация по существенным интересам.

2. Маргинальность множества в целом

Для понимания специфики интересов всего рассматриваемого множества важна также категория маргинальности. Примем наиболее популярное ее определение (из интернет-словаря):

«Маргинальная группа (далее «М») – отвергающая определенные ценности и традиции той культуры, в которой она возникла и утверждающая свою собственную систему норм и ценностей. «М» – «пограничность», промежуточность положения индивида или социальной группы в структуре общества. «М», утрачивая прежние духовные ценности, испытывает трудности приобщения к чуждой им культуре, ненавидят мир, в который попала. Маргинальные слои пытаются навязать свою волю, выступают за поголовное равенство и даже за господство в обществе. Маргинализация далеко не всегда приводит к «оседанию на дно», она может быть связана с горизонтальной либо восходящей вертикальной мобильностью».

Надо отметить, что:

1. Маргинал – понятие социологическое, а не оценочное. «Это ни хорошо, ни плохо».
2. Наличие маргинальных групп предполагает, что имеются материковые группы, определяющие «мейнстрим» в развитии того или иного общества.
3. Восприятие каких-либо групп в качестве маргинальных со стороны материковой части сообщества может не совпадать с самооценкой самих маргинальных групп.

Нет критериев, по которым можно определить отдельную личность в качестве «маргинальной», хотя мы достаточно часто припечатываем этим термином различные подмножества.

3. Соотношение социальных мифов и реалий

В политике и социальной практике эстонского государства, в общественном сознании обоих подмножеств (материкового и маргинального), в представлении о положении дел за пределами Эстонии преобладают политические мифы. Часть этих мифов сознательно распространяются государством через управляемые им, либо его элитами средства массовой информации (в том числе через все, без исключения, русскоязычные эстонские СМИ); другие мифы конструируются разного рода политическими силами в Эстонии и за ее рубежами.

4. Состояние социально-экономических проблем после апреля 2007 г.

Необходимо сразу отметить, что радикальных перемен к худшему в экономическом положении большинства рассматриваемых подмножеств (и влияния на их специфические интересы) не произошло, как не произошло изменений, которые могли бы обусловить тенденцию к исключению взрывов, подобных тем, что случались до апреля и произошли в апреле 2007 г.

Реальные изменения перечислены ниже.

А) **Экономические потери** в результате действий со стороны Российского государства и общества. Они существенны для экономики Эстонии в целом и состоят из нескольких факторов:

- По оценке академика Михаила Бронштейна, с мая 2007 г. по май 2008 г. потеряно около 40% объема транзитных перевозок через Эстонию, что в свою очередь повлекло падение объема грузоперевозок Эстонской железной дорогой на 30-35%. Наиболее ощутимые потери при этом понесли: крупные фирмы, занятые переработкой нефти и нефтепродуктов через эстонские порты; сами порты и связанные с ними фирмы; железная дорога. Но ни одно из этих направлений не является специфическим для т. н. русского бизнеса в Эстонии. Скорее, наоборот. То есть заметные потери коснулись представителей 12-го подмножества (предпринимателей и высшего менеджмента всех возрастов богатых), а также наиболее высокооплачиваемых групп наемных работников 8, 9 и 10 подмножеств.
- В силу общественного раздражения русского общества в 2007 г. резко упал туристский поток в Таллин, особенно, предновогодний. Но этот экономический удар, практически, не коснулся специфических интересов ни одного из рассматриваемых подмножеств.
- Сильный удар нанесен по экономике лесоперерабатывающей отрасли (мебель, изготовление стройматериалов и т. п.) из-за введения высоких таможенных вывозных пошлин на лес-пиловочник из России. Но мера эта только совпала по времени с рассматриваемыми действиями российских властей в ответ на перенос памятника. Пошлины введены с целью привлечь инвестиции в лесоперерабатывающий комплекс России. Все эти события, естественно, усложнили общеэкономическую обстановку в Эстонии и наложились по времени на общий экономический спад, что не могло не сказаться на положении всех жителей страны, но специфических интересов русского этноязыкового сообщества они не задели. В целом «российский фактор» повлиял на снижение ВВП в 2008 г. не более чем на 1-2%.

В) Куда более значительным оказался **социальный эффект** демонстративного пренебрежения со стороны властей к исторической памяти представителей всего русского этноязыкового множества. В результате рост напряжения в общественном сознании после весны 2007 г. резко усилился, хотя реально это напряжение росло уже с конца 1990-х гг. Здесь реальность явно противоречила мифу об успешной «интеграции» некоренного населения Эстонии, созданному официальными кругами до 2007 г. и распространяемому усилиями СМИ и официальной пропаганды, особенно вовне. В существовании и распространении мифа оказались заинтересованными две стороны: во-первых, госструктуры, в целях сокрытия нарастания реальных конфликтов и, во-вторых, огромное количество лиц, получивших доступ к «распилу» немалых сумм, выделявшихся из госисточников и структурных фондов на это заведомо безнадежное дело. Доказывать мифологический характер всей затеи на основе специально разворачиваемой аргументации здесь не имеет смысла, поскольку в массе публикаций второй половины 2007 г. это сделано вполне убедительно.

На самом деле ситуация становилась и продолжает становиться напряженнее с каждым годом. Современный русский писатель Дмитрий Быков заметил: «Идеологи классовой борьбы были неправы только в одном. Им казалось, что мир управляется экономическими интересами. Это не так. Мир управляется гордостью и стремлением к самореализации. Разночинцам эти качества присущи в первую очередь». По контексту у Быкова разночинцами названы маргиналы. Не случайно они, лишённые всех прав и возможностей легального самовыражения, нашли яркую форму протеста в устройстве цветочных ковров 9 Мая у монумента Воину-освободителю.

Этот протест был верно расшифрован властью. И верно ухвачена была проблема. Начавшийся в качестве протеста маргиналами из некоторых подмножеств, он чем дальше, тем больше захватывал подмножества, ранее не протестовавшие, поскольку вся их воля была либо ориентирована на успех, либо подавлена ежедневной борьбой за существование. Но уже в 2001-2004 гг. ситуация стала меняться и характер реальных проблем у многих подмножеств также изменился. Надо также учитывать сформулированный Алексисом де Токвилем закон, согласно которому притязания социальных групп растут пропорционально росту их уровня жизни. А это открывало новый аспект конфликта. Власть, привыкшая к неограниченной возможности дискриминировать маргинальное множество (в условиях отсутствия активного противодействия внутри страны и вне ее), осознала, что у нее появляется и начинает структурироваться сильный противник, при этом знание эстонского языка ровным счетом ничего в этом процессе не означает. И осознав это, она осуществила апрельский перенос памятника как символический акт пренебрежения интересами маргинального сообщества в целом.

5. Проблемы молодых

Рассмотрим реальные проблемы и причины нарастающих напряжений по каждому из выделенных нами подмножеств (по состоянию на начало 2007 г.) и определим, какие из этих проблем могут вызвать быстрый рост экстремальных настроений, а какие – нет.

Начнем с вопросов социально-экономического характера.

Самые мобильные подмножества это: возрастные группы до 20 лет, учащиеся, бедные и среднеобеспеченные; того же возраста временно не работающие бедные и среднеобеспеченные и того же возраста наемные работники, бедные и среднеобеспеченные. В случае серьезных массовых движений этих групп таким движением могут быть захвачены даже отдельные представители того же возраста среди подмножеств богатых и среди молодых предпринимателей. Как видно на схеме на рисунке 1, все это довольно массовые подмножества.

Эти лица остро ощущают свою маргинальность, которая не зависит, как правило, от знания местного языка, а также других европейских языков. К ним довольно быстро приходит понимание, что в жизни, куда они вступают, как и в поезде, мягких мест меньше, чем жестких, так же как и понимание того, что в сравнении со сверстниками материкового множества они проигрывают. Не из-за банальной дискриминации. Ее нет в экономике, по крайней мере, в явном виде. Но нет и перспектив у молодых обоих множеств. Однако у материковых есть социальный лифт. Точнее, 3 лифта, которыми могут воспользоваться молодые для перехода из бедных в среднеобеспеченные и из среднеобеспеченных в богатые.

Первый лифт – госслужба. Низкая зарплата и довольно низкое положение на старте искупается открывающимися перспективами карьерного роста. При этом карьерное движение не зависит от материального положения. То есть через госслужбу возможно быстрое продвижение по социальной лестнице.

Второй лифт – военная служба.

Третий – возможность получения хорошего образования и продвижения в науке или через преподавание в престижных университетах.

В Эстонии ни в один из этих лифтов молодым русским практически не попасть (и в этом состоит реальная, хотя и косвенная, дискриминация). Возможен выезд в другие страны, но это не альтернатива социальному лифту в своей стране. То есть для представителей русского этноязыкового множества социальный лифт отсутствует.

Сознание обреченности – худший фактор, способствующий развитию молодежного экстремизма в маргинальной среде.

Есть опыт стран, сумевших его не допустить. Лучший пример – Америка (США), где существуют специальные квоты для работы социального лифта среди маргиналов. Без этого молодежный экстремизм маргиналов приобретет такие формы, по сравнению с которыми их действия в апреле 2007 г. покажутся детскими шалостями. Ускоряют рост экстремизма и решение властей развернуть полицейские репрессии. Оппонентам набили морду. Но это только ускорит осознание молодыми маргиналами своих истинных интересов. Высказывается еще предположение, что этого не произойдет из-за отсутствия в маргинальной среде интеллигенции, способной внести смысл в молодежный протест. Но пример современной России показывает всю несостоятельность подобных идей.

6. Политическое представительство маргиналов

Распространен миф о возможности создания некоей политической силы, отражающей интересы русского этноязыкового множества и способной породить лидеров, осуществляющих переговорный процесс с официальными представителями материкового множества (властью). Миф поддерживается ангажированными местными т. н. «русскоязычными» СМИ (иных здесь нет) и отдельными глубоко циничными фигурами, постоянно возникающими в искусственно поддерживаемом т. н. политическом русском пространстве. В маргинальной среде, вообще, и в сложившихся подмножествах, в частности, не может родиться реальное политическое движение. Маргиналы всегда атомизированы и по сути своей аполитичны. Тем более никаких реальных общих интересов нет и быть не может у бедных, средне обеспеченных и богатых; у неработающих и работающих; у наемных работников и предпринимателей или высшего менеджмента.

Подмножества богатых по всем возрастным группам и социальным ролям, безусловно, поддерживают финансовые элиты, контролирующие сейчас власть, и тем самым поддерживают власть.

Подмножества средне обеспеченные ориентированы на центристскую политическую элиту.

А маргинальные слои из подмножеств, которые должны были бы стать базой левых сил, на самом деле находятся в политической апатии (кроме молодежных групп). Причина в том, что нет такого движения в материковом множестве. А нет его потому, что раз-

дражение канализируется в национальную неприязнь, чему способствует в том числе и миф о «пятой колонне», управляемой из-за рубежа.

Но ситуация 2008 г. может изменить ход событий. Исследования тартуского социолога Рейна Тоомла показывают, пускай и не быстрый, но рост левых настроений в маргинальном обществе. Это – кошмар для власти, и потому она всеми силами будет способствовать национальному расслоению, особенно, в молодежной среде.

Именно по этой причине власть всячески, и в первую очередь материально, поддерживает разного рода национальные общественные структуры. В этом смысле заслуживает отдельного анализа деятельность еврейской общины в Эстонии, часть членов которой по своим коренным интересам, безусловно, входит в отдельные подмножества русского этноязыкового множества, но подчиняясь национальной мифологии, объективно отстраняется от него. Что в полной мере проявилось в апрельские дни 2007 г., когда представители этой общины отказали еврейской же общине города Днепропетровска возложить венок у памятника за несколько дней до его сноса. (Венок был прислан по системе «Интерфлора» и его возложил журналист Димитрий Кленский). Еще более разительным примером в политическом плане стало открытие синагоги через несколько дней после апрельских событий, на которое были демонстративно приглашены наиболее одиозные, с позиций русского этноязыкового множества, руководители Эстонии. Но эта тема требует специального разговора.

Оценивая в целом процессы, идущие в Эстонии после апреля 2007 г., надо отметить:

1. Мифологизация отношений двух основных этноязыковых множеств в Эстонии, а также отношений маргинального, по преимуществу, русского этноязыкового множества с эстонским государством обеспечивает текущие пропагандистские задачи, но искажает при этом реальную ситуацию настолько, что мифологизированная картина часто диаметрально противоположным образом отличается от действительной.
2. Углубляющаяся дифференциация интересов отдельных подмножеств маргинальной среды должна учитываться в построении политических структур и разного рода общественных формирований, претендующих на отражение интересов русского этноязыкового сообщества и электоральную поддержку отдельных образующих его подмножеств. В связи с реальной дифференциацией указанного множества любые намерения создания одной («единой») политической силы, отражающей его интересы и опирающейся на его поддержку, – не более чем попытка реализации политического мифа.
3. В рассматриваемом сообществе имеется реальная база для левой идеологии, развитие которой – дело времени, и связано она, наряду с прочими факторами, в немалой степени с появлением интеллигенции, в настоящее время практически отсутствующей в русской этноязыковой среде.
4. Решения коренных проблем русского этноязыкового сообщества по большей части зависят от демифологизации сознания материкового множества и смещения центра конфликтности в обществе из области межнациональных отношений в область экономической и политической борьбы основных групп и подмножеств обоих сообществ за свои коренные права и интересы.

Апрельские события 2007 г. и новая государственная программа интеграции

Лейви Шер, доцент,

член правления Палаты представителей национальных меньшинств Эстонии

В советские времена бытовал анекдот, что у ст. 115 УК РСФСР были части 6 и 7, из которых шестая предусматривала наказание за попытку изнасилования с заведомо негодными средствами, а седьмая – кару за сопротивление при попытке изнасилования.

Обе эти части, буде они существовали, имели бы прямое отношение к обсуждаемой сегодня теме, поскольку апрельские события минувшего года, я убежден, являются прямым следствием проводившейся с 1992 г. в Эстонии национальной политики, в своем самом приличном варианте нашедшей отражение в т. н. Государственной программе интеграции на 2000-2007 гг., и на реализацию которой эстонское государство потратило многие миллионы, а Европейский Союз и другие страны-доноры – миллиарды крон.

Еще при разработке упомянутой программы мы пытались довести до сознания ведавшей тогда этой сферой министром по делам народонаселения Катрин Сакс, что нельзя говорить об интеграции, не меняя правового поля, сформированного во времена торжества воинствующего национализма, когда официальной политикой было выдавливание всеми способами неэстонцев из Эстонии. Нельзя называть интеграцией попытку включить что-то во что-то, ибо интеграция – это сложение, а не поглощение, которое во всех международных правовых актах носит название ассимиляции. Неэстонское население в Эстонии слишком велико, его численность превышает ассимиляторские возможности эстонской нации, а потому процесс ассимиляции становится опасен для нее, для эстонского языка и эстонской культуры. Мы обращали также внимание на то, что провозглашаемая программой интеграции политика в области образования ведет к вымыванию важнейшего для существования диаспоры слоя – интеллигенции, без которой этническое сообщество может быстро маргинализироваться и подпасть под воздействие любых, самых радикальных воззрений.

Ни один из наших доводов во внимание принят не был. Восторжествовала с обратным знаком та же самая большевистская идеология – старшего и младших братьев, психология раба, стремящегося не к уничтожению рабовладения, а к позиции господина, имеющего своих рабов. Кстати, именно она проявилась в отношении к сносу памятника павшим воинам, когда одним из обоснований этого стал довод о том, что в советское время сносились памятники довоенного эстонского государства. Тем самым идеологи сноса сами поставили знак равенства между тоталитарным советским строем и «демократической» Эстонией.

Когда власти убедились, что, отчасти из-за плохой экономической ситуации в России, все законодательные меры, направленные на выдавливание неэстонского населения, результата не дают, началось целенаправленное психологическое давление, базирующееся на принципе – вы здесь не хозяева, даже если граждане, а гости, которые обязаны следовать правилам, устанавливаемым для них хозяевами. «Бронзовый солдат» стал одним из средств в этой психологической войне. Никогда он не был символом оккупации, которой, на самом деле, конечно, не было. И это не оправдание действий Советского Союза в 1940 г., а конста-

тация факта. Оккупация – это четкий юридический термин, имеющий свои признаки. События 1940 г. в Эстонии этим признакам не соответствуют. Мы можем говорить об аннексии, инкорпорации. Но советские войска вошли на территорию Эстонии не в результате военных действий, а в соответствии с юридически легитимным соглашением. Символом оккупации памятник на Тынисмяги был сделан намеренно, поскольку, помимо Православной Церкви, остался единственной святыней, позволяющей неэстонскому населению осознавать свое человеческое достоинство. Именно это чувство собственного достоинства и нужно было правительству Ансипа растоптать, именно поэтому снос памятника произошел под покровом ночи таким варварским способом, поэтому в нарушение международных правовых норм эксгумировались останки захороненных на Тынисмяги воинов, поэтому были намеренно, а в этом уже не остается сомнений, спровоцированы погромы.

События апреля прошлого года показали уже в открытую, что все разговоры об интеграции, которые велись до сих пор, – не более чем фарс, фата, прикрывающая не вполне эстетичный лик правящих в Эстонии политических сил от взгляда европейского жениха. Это была попытка «изнасилования» неэстонского населения. И я уверен, что ничем другим она закончиться не могла, ибо была попыткой с заведомо негодными средствами. И было совершенно ясно, на то и делался расчет, что попытка эта вызовет сопротивление. А за сопротивление можно будет обрушить на сопротивляющихся всю карательную мощь государства, сделав сопротивление путем элементарной провокации уголовным деянием.

Но эти события показали, что ассимиляционная политика не встречает восторженных приветствий ассимилируемых, а потому все миллионы и миллиарды оказались потраченными впустую. Более того, события апреля внесли такой раскол в общество, причем не только по линии эстонцы – неэстонцы, но и по линии демократия – авторитаризм, которого Эстония не знала в переломное начало 90-х гг. прошлого века.

Провал т. н. интеграционной политики осознали даже власти. Недаром они изменили название новой программы, назвав ее «программой переплетения». Название, которое напоминает о весеннем клубке змей, результатом которого становится новое пополнение в рядах ядовитых гадов. Именно ядовитых гадов по отношению друг к другу и пытается из нас – эстонцев и неэстонцев – сделать новая программа совершенно по аналогии со старой.

Коренных изменений в интеграционной ситуации невозможно добиться без изменения правового поля. И начинать надо с преамбулы Конституции Эстонской Республики. Трудно возражать против того, что задачей эстонского государства является сохранение эстонской нации, эстонского языка, эстонской культуры. Но это, как говорят математики, условие необходимое, но не достаточное. В Эстонии живут не только эстонцы. И их языки, культуры и этносы тоже являются неоспоримыми объектами защиты государства, в котором их носители живут. Однако об обязанностях государства по отношению к последним в преамбуле нет ни слова. Оппоненты говорят, что это и не требуется, поскольку там есть ссылка на европейские и общечеловеческие ценности. Но тогда зачем ссылка на сохранение эстонской нации, языка и культуры? Разве они не относятся к европейским и общечеловеческим ценностям?

Дело в том, что и на практике государство пока исходит исключительно из поставленной в преамбуле главной своей цели. А то, что в одной из статей Основного Закона говорится о праве этнических меньшинств на свой язык, свою культуру и т. д., отнюдь не означает, что государство обязано прилагать усилия и ресурсы для обеспечения

этого права. Если у меньшинств есть возможности – пусть это право реализуют. Например, в виде частных школ. А уплачиваемые ими налоги пойдут на развитие эстоноязычного образования – ведь именно это определено Конституцией как обязанность эстонского государства. Так уже сделано с высшей школой. Теперь на очереди среднее образование. А в эстонской прессе все громче раздаются голоса, что нечего тратить средства эстонских налогоплательщиков на русскоязычную школу, в интернет-порталах уже договорились до того, что в Эстонии будет хорошо жить только тогда, когда удастся выселить 400000 дармоедов, на содержание которых в тюрьмах тратится столько денег. Таков результат официальной пропаганды, официальной политики. Исследования, которые приводятся в сопроводительной записке к новой «программе переплетения», дают две цифры, которые, казалось бы, должны в корне изменить всю политику государства: 80% граждан-неэстонцев считают себя частью народа Эстонии, а 40% эстонцев не готовы признать живущих здесь неэстонцев равными себе.

Исходя из этих цифр, следовало бы все ресурсы программы направить на изменение ментальности эстонской части населения – как ключевого препятствия к интеграции. Но увы! Если мы вникнем в смысл самой программы и в распределение выделенных на нее средств, то увидим, что с упорством, достойным лучшего применения, главным остается изучение эстонского языка и создание единой системы ценностей, которой для всех должны стать ценности эстонской нации. Так и говорится: «Цель интеграции в социально-политической области – помочь жителям, чей родной язык неэстонский, вжиться в общество Эстонии и стать активными членами этого общества». Та же песня, что в старой программе: есть некое общество Эстонии, состоящее из эстонцев, и есть некие жители, не имеющие пока к этому обществу никакого отношения, стоящие вне него, асоциалы. Их надо вживить в общество, если удастся им внушить ценности членов общества, т. е. эстонской нации. А пока они не вжились и не внушились, их, естественно, нельзя допускать к принятию решений, к руководству общественными структурами, а тем более к управлению государством.

Завершу цифрами: общий объем финансирования программы интеграции эстонским государством до 2011 г. – 971611000 крон. Из этой суммы, – без учета стоимости разработки пособий, методик, совершенствования знаний обучающихся – на изучение эстонского языка выделяются 454582000 крон, а еще в 181092000 крон обойдется «управление» реализацией программы. Резюме: создана еще одна кормушка, никак не исключая возможности повторения апрельских событий минувшего года, а то и еще чего похуже. А так бы этого не хотелось!

Краткое резюме семинара «От апреля к апрелю. В какой Эстонии мы живем?»

*Рафик Григорян,
председатель Палаты представителей национальных меньшинств в Эстонии
Алексей Семенов,
директор Центра информации по правам человека*

Проанализировав с разных точек зрения ситуацию в нашем государстве после апрельских событий и отвечая на вопрос: «В какой Эстонии мы живем?», участники семинара пришли к следующим выводам.

Правовой анализ, приведенный в докладе *Сергея Середенко*, показал, что «Бронзовый солдат» был демонтирован и перенесен незаконно, как с точки зрения международного права, так и эстонских законов. Эстонским законодателем произведены подмены духа и буквы положений дополнительного протокола от 8 июня 1977 г. к Женевской Конвенции от 12 августа 1949 г. Протокол устанавливает общий запрет на эксгумацию останков из военного захоронения и допускает ее только в случае «высшей общественной необходимости». Эстонский же закон использует понятие «общественных интересов» (что, очевидно, не равнозначно необходимости), исходя из которых эстонское государство якобы «управомочено перезахоранивать останки». Более того, в распоряжении правительства (принятом в ночь на 27 апреля 2007 г.) о переносе памятника и перезахоронении нет даже корректных ссылок на закон и указанные в нем расширительные основания. Таким образом, сначала парламент принял противоречащий Женевской Конвенции закон, а потом уже правительство нарушило даже этот закон.

Эти действия – покушение на историческую память части народа Эстонии, на его обычаи и сложившийся уклад жизни. Более того, наметилась четкая тенденция несовпадения общественных интересов с интересами власти, что говорит о наличии реальной угрозы обществу и его демократическим ценностям. Как показал Середенко, под угрозой оказались коллективные ценности этнических меньшинств, которые совершенно не защищены. Наконец, судебная система, которая является гарантией демократии и прав человека, а также основой правового государства, находится в опасности и не выполняет своих функций (отправление правосудия).

Анализ апрельских событий показал, что беспорядки во многом были спровоцированы. Апрельские столкновения можно было предотвратить, отметил *Алексей Семенов*, если бы у властей имелось бы хоть малейшее желание это сделать. Вопреки заявлениям властей о том, что события 26 апреля 2007 г. явились для них полной неожиданностью, есть данные о том, что спецоперация началась уже 23 апреля и закончилась 11 мая 2007 г. Поэтому логично предположить, что беспорядки либо ожидалось, либо были спровоцированы намеренно; стихийный митинг возле сокрытого памятника, беспорядки с погромами и поведение полиции слабо коррелируются между собой.

Касаясь последствий «бронзовой ночи», Алексей Семенов также отметил, что серьезным и массовым нарушением прав человека стали brutальные и непропорционально жесткие действия полиции, а затем отказ в доступе к правосудию. Многочисленные заявления в суды с жалобами на действия полиции отклонялись с использованием сомнитель-

ной аргументации, необходимые процессуальные действия не проводились. Правозащитникам уже удалось довести до Европейского суда по правам человека в Страсбурге дела в отношении девяти пострадавших.

Евгений Голиков выступил с рассуждениями о ситуации с межнациональным диалогом в Эстонии и возможности его продолжения. По его мнению, об интеграции невозможно вести речь, если сводить ее к одностороннему процессу «приобщения» одной части общества к социальным правилам другой. Межэтнический диалог в Эстонии с самого начала оказался затруднен тем, что одна сторона – эстонская – стремилась уйти от обсуждения принципов, стараясь маскировать собственные позиции разговорами о «конкретных мерах».

Народ, который сегодня не находит в себе сил для более толерантного отношения к иной культуре и народу, с которым прожил бок о бок более трехсот лет, может оказаться неготовым к жизни в мультикультурной объединенной Европе, предостерегает Голиков. Он утверждает, что, если политика интеграции будет и дальше проводиться в ее нынешней форме, следует ожидать дальнейшего обострения, прежде всего, политической ситуации.

Владимир Вайнгорт подверг русскоязычное сообщество системному анализу, в котором показал, что экономические интересы русских существенно разнятся, а общественное самосознание тесно связано с ростом благосостояния людей. Однако происходит интенсивная маргинализация русскоязычной общины. Люди все больше «зависают» между разными культурами, мирами и системами. Имеется много проблем с формированием идентичности личности. Многие неэстонцы недовольны своим социальным статусом, они ощущают себя не востребованными обществом и государством людьми – людьми второго сорта. Как отметил один из выступающих, «молодежь лишилась Родины. Нас хотят превратить в обслуживающий эстонцев персонал».

По мнению Вайнгорта, экономические потери Эстонии в результате реакции российского государства и общества на апрельские события существенны для экономики страны в целом. Главным образом, это снижение объемов транзита, доходов от туризма, застой в лесоперерабатывающей отрасли. Но ни одно из этих направлений не является специфическим для т. н. русского бизнеса Эстонии, и интересов русского этноязыкового сообщества эти потери особо не затронули.

Лейви Шер, анализируя новую государственную программу интеграции, вернее, программу т. н. «переплетения» общества на 2008-2013 гг. (очередной неологизм эстонских политиков), отметил два момента:

во-первых, программа вновь принята без учета волеизъявления самих меньшинств и фактически создана «под эстонцев»;

во-вторых, новая программа ничем концептуально не отличается от старой, следовательно, она также заранее обречена на провал, поскольку не предусматривает никаких правовых изменений.

Существующее правовое поле, которое призвано регулировать межэтнические отношения, не способствует консолидации общества. Оно устарело и пропитано духом этноцентризма, что выражено, например, в преамбуле Конституции Эстонской Республики. Национальные меньшинства не рассматриваются как политические субъекты и партнеры, а представлены лишь как объекты интеграции. Они фактически отстранены от управления государством. Без принятия новых законов или изменения старых интеграция невозможна.

В рамках развернувшейся *дискуссии* многие участники отмечали, что эстонская часть общества не готова к диалогу и воспринимает интеграцию как односторонний процесс вхождения неэстонцев в эстонское общество. Без демократии участия, без учета волеизъявления людей и представителей самих этносов в общественной и государственной жизни бессмысленно говорить об интеграции общества. Было высказано предложение о создании специального органа представительства национальных меньшинств, который имел бы право вето на те законопроекты и решения правительства, которые затрагивают жизненно важные интересы меньшинств. Такого рода механизмы действуют в ряде стран, в том числе и входящих в Европейский Союз.

Обсуждение докладов и сами выступления участников семинара носили доброжелательный и конструктивный характер. Все участники семинара пришли к выводу, что правительство не извлекло необходимых уроков из апрельского кризиса, более того, оно по-прежнему делает ставку на силу, а не на диалог с меньшинствами. Подобные обсуждения необходимо проводить и впредь, чтобы искать ответы на вопросы, которые ставит перед нами сама жизнь.

Центр информации по правам человека

Центр информации по правам человека был основан 2 мая 1994 г. при содействии неправительственных организаций Дании и Эстонии. Активную деятельность он начал в январе 1995 г.

Центр является независимым неправительственным неодоходным объединением, деятельность которого осуществляется по конкретным проектам.

Центр выделяет четыре приоритетные сферы своей деятельности:

1. Предотвращение конфликтов: выявление причин возможных конфликтов через анализ и распространение информации, повышение уровня знаний о правах человека;
2. Содействие формированию общества, основанного на стандартах прав человека;
3. Анализ эстонского законодательства в области прав человека на соответствие его международному праву;
4. Оказание правовой помощи лицам, чьи права не гарантируются должным образом или нарушаются. Для этого юристы Центра ведут индивидуальный прием или отвечают на запросы через Интернет.

Дополнительная информация: <http://www.lichr.ee>

Publications of the Legal Information Centre for Human Rights Публикации Центра информации по правам человека

1. Erik Andrè Andersen, *Erastamine Eestis ühiskonna etnilist jagunemist*. Tallinn, 1997; ISBN 9985-9165-4-9
2. Эрик Андре Андерсен, *Этнически разделенное общество как результат приватизации в Эстонии*. Таллин, 1997; ISBN 9985-9165-5-7
3. *Rahvusvahemused Eestis: siseriiklikud seadused ja rahvusvahelise õiguse sätted*. Rahvusvahelise seminari aruanne. Tallinn, 25-26.04.1997.a.; ISBN 9985-9165-2-2
4. *Ethnic Minorities in Estonia: Domestic Law and International Instruments*. Report of the International Seminar. Tallinn, 25-26.04.1997; ISBN 9985-9165-0-6
5. *Этнические меньшинства в Эстонии: внутреннее законодательство и международные инструменты*. Отчет международного семинара. Таллин, 25-26.04.1997г.; ISBN 9985-9165-1-4
6. *Identiteedi kujunemise probleemid post-sotsialistlikus keskkonnas (Tallinna rahvusvahemuste kogemuse alusel)*. Uuringu aruanne. Tallinn, 1999-2000; ISBN 9985-9165-7-3
7. *Интеграция в Эстонии: проблемы и перспективы*. Отчет рабочего семинара. Таллин, май 2000 г. - *Eesti ühiskonnas integratsiooni protsessi probleemid ja arengusuunad*. Tõõaruanne. Tallinn, mai 2000.a.; ISBN 9985-9165-6-5
8. *Международная практика использования прав национальных меньшинств в Эстонии*. Отчет регионального семинара. Маарду (Эстония), март 1998 г. - *Strengthening the Awareness on Minority Rights in Estonia*. Report of the Local Seminar. Maardu (Estonia), March 1998. Tallinn 1999; ISBN 9985-9165-8-1
9. *Inimõigused: üksikisikute kaebused ÜRO-le ja Euroopa Nõukogule*. Materjalide kogumik. Tallinn, 2000, 64 lk.; ISBN 9985-9319-0-4
10. *Права человека: индивидуальные жалобы в ООН и Совет Европы*. Сборник материалов. Таллин 2000, 72 стр.; ISBN 9985-9319-1-2
11. *Rahvusvahelised dokumendid, ratifitseeritud Eestis. Международные документы, ратифицированные Эстонией. International Treaties, ratified by Estonia*. Tallinn 2000; 300 lk./p.; ISBN 9985-9165-3-0
12. Институт открытого общества, Программа мониторинга расширения ЕС. *Охрана прав меньшинств в Эстонии*. 2001, 50 стр.; ISBN 9985-9319-5-5
13. *Социальный и экономический аспекты процесса интеграции в эстонском обществе: круглый стол 23 ноября 2000 г., Таллин, Эстония = Eesti ühiskonnas integratsiooniprotsessi sotsiaalne ja majanduslik aspekt: umarlaud 23. novembril 2000. a.*, Tallinn, Eesti; 58 стр./лк., 2001; ISBN 9985-9319-2-0
14. *Развитие принципов недискриминации и защиты меньшинств: задачи Эстонии*. Материалы международного семинара. Таллин (Эстония), 14-15.01.2002. - *Recent Developments in the Field of Non-Discrimination and Minority Protection and Challenges for Estonia*. Materials of International Seminar. Tallinn (Estonia), 14-15.01.2002; 80 стр./p.; ISBN 9985-9319-8-x
15. Алексей Семенов (ред.), *Интеграция в Таллине 2001, Анализ данных социологического исследования*, Таллин, 2002, 102 стр.; ISBN 9985-9319-7-1
16. Aleksei Semjonov (toim.), *Integratsioon Tallinnas 2001, Sotsioloogilise uuringu andmete analüüs*, Tallinn, 2002, 94 lk.; ISBN 9985-9319-6-3
17. *Национальные меньшинства в странах Балтии: процесс интеграции*. Материалы международного семинара. Таллин (Эстония), 14-15 июня 2002 года. - *Minorities in the Baltics: Processes of Integration*. Materials of International Seminar. Tallinn (Estonia), 14-15 June 2002; 80 стр./p.; ISBN 9985-9410-2-0

18. *Выполнение Эстонией Рамочной конвенции по защите национальных меньшинств*, Таллин, 2002, 87 стр.; ISBN 9985-9410-0-4
19. *Принцип недискриминации в Эстонии: права женщин и детей и исполнение международных обязательств*: материалы семинара, 22-23 февраля 2002 г., Силламяэ, Эстония; 41 стр., 2002; ISBN 9985-9319-9-8
20. *Меньшинства и большинство в Эстонии: проблемы интеграции в европейском контексте*. Материалы международного семинара, Таллин, Эстония, 15-16 ноября 2002 года - *Minorities and Majorities in Estonia: Problems of Integration within a Broader European Context*. International Seminar Materials, Tallinn, Estonia, 15-16 November 2002, Tallinn, 2003, 63 стр./р.; ISBN 9985-9410-5-5
21. *Võitlus inimkaubanduse vastu Eestis: naised ja lapsed*. Seminari materjalid. 20. jaanuaril 2003, Tallinn, Eesti - *Борьба против торговли людьми в Эстонии: женщины и дети*. Материалы семинара. 20 января 2003 года, Таллин, Эстония - *Combating Human Trafficking in Estonia: Women and Children*. Materials of the Seminar. 20 January 2003, Tallinn, Estonia. Tallinn, 2003, 62 lk./стр./р., ISBN 9985-9410-6-3
22. Vadim Poleshchuk (ed/toim), *Baltimaade dilemmad: seminari ettekanded etnoliitikast* = *Балтийские дилеммы: Выступления по вопросам этнополитики* = *The Baltic Dilemmas: Seminar Presentations on Ethnic Policies*, Tallinn, 2003, 50 lk./р./стр.; ISBN 9985-9410-3-9
23. Paul Downes, *Living with Heroin: Identity, social Exclusion and HIV among Russian-speaking Minorities in Estonia and Latvia*, Tallinn, 2003, 153 p.; ISBN 9985-9410-4-7
24. Paul Downes, *Elu herooiniga: Identiteet, sotsiaalne tõrjutus ja HIV Eesti ja Läti venekeelsete vähemuste seas*, Tallinn, 2003, 150 lk.; ISBN 9985-9410-7-1
25. Пол Даунс, *Жизнь с героином: Идентичность, социальное отторжение и распространение ВИЧ среди русскоязычного меньшинства в Эстонии и Латвии*, Таллин, 2003, 159 стр., ISBN 9985-9410-8-х
26. Vadim Poleshchuk, *Non-citizens in Estonia*. Report 2004, Tallinn, 2004, 57 p.; ISBN 9985-9410-9-8
27. Лариса Семенова (ред.), *Предотвращение торговли людьми и трудоустройство за границей*. Справочник, Таллин, 2004, 124 стр.; ISBN 9985-9542-0-3
28. Larissa Semjonova (toim.), *Inimkaubanduse ennetamine ja töörakendus välismaal*. Teatmik, Tallinn, 2004, 88 lk.; ISBN 9985-9542-1-1
29. *Media against Intolerance and Discrimination: Estonian Situation and International Experience: Selected Materials*, Tallinn, 2006; ISBN 9985-9542-2-х
30. Klara Hallik, Vadim Poleshchuk, Andrus Saar, Aleksei Semjonov, *Eesti: rahvushted ja ebavõrdse kohtlemise probleemid Tallinnas* = *Estonia: Interethnic Relations and the Issue of Discrimination in Tallinn*, Tallinn, 2006; ISBN 9985-9542-3-8
31. Вадим Полешчук, Андрус Саар, Алексей Семенов, Клара Халлик, *Эстония: межэтнические отношения и проблема дискриминации в Таллине*, Таллин, 2006, 70 стр.; ISBN 9985-9542-4-6
32. Vadim Poleshchuk, *Estonian Minority Population and Non-discrimination*: Report 2006, 65 p.; ISBN 9985-9542-5-4
33. *Eesti rahvuspoliitika: Vaade väljast* (dokumentide kogumik) = *Эстонская этнополитика: Взгляд со стороны* (сборник документов), Tallinn 2007, 158 lk./стр.; ISBN 978-9985-9542-6-3
34. *Bronze Soldier: April Crisis* = *Бронзовый солдат: апрельский кризис* = *Pronkssõdur: Aprillikriis*, 2007, Tallinn, 140 p./стр./lk.; ISBN 978-9985-9542-7-0